801-12
813
М 135/151

Вс. Миллеръ.

Очерки по исторіи народовъ древняго Востока.

Прибавленіе къ исторіи Ассиріи и Вавилоніи.

Москва.
1906.

Тип.-лит. т-а. С. Ивановъ и В. Карякинъ, Тверская, д. Фальцъ-Фейнъ.

М 133/151

ф 38-3847/5

АССИРІЯ И ВАВИЛОНІЯ.

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ ВАВИЛОНО-АССИРІЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

I. Клинопись и ея дешифровка.

Поразительными успѣхами, достигнутыми въ настоящее время въ изученіи древнеазіатскаго міра, наука обязана главнымъ образомъ открытію ключа для чтенія т.наз. клинообразнаго письма. Клинообразныя письмена были въ употребленіи въ теченіе многихъ тысячелѣтій въ предѣлахъ Вавилоніи и Халдеи, Ассиріи, Элама (Суэіаны), Мидіи, Арменіи, Пероіи, даже Сиріи и Палестины. По свидѣтельству знаменитыхъ находокъ въ Тель-ель-Амарнѣ (въ Египтѣ), вавилонскій языкъ, писавшійся клинописью, былъ языкомъ дипломатическихъ сношеній между большей частью странъ Передней Азіи и Египтомъ въ 15-мъ вѣкѣ до Р.Х. Древнѣйшіе памятники клинописи относятся къ четвертому тысячелѣтію, позднѣйшіе къ первому столѣтію до Р.Х. (періоду Селевкидовъ). Родиной этого письма было, какъ полагаютъ, нижнее теченіе Евфрата, гдѣ въ развалинахъ древнѣйшихъ городовъ Южной Вавилоніи (Халдеи) были найдены надписи самаго архаическаго типа. Отъ первоначальнаго несемитскаго (т.наз. сумерійскаго) населенія Южной Вавилоніи занявшіе эту страну семиты получили клинообразное письмо вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими культурными пріобрѣтеніями,

78

2011141726

примѣнили его къ передачѣ звуковъ своего роднаго семитскаго языка (т.наз. вавилонскаго), а затѣмъ своими завоеваніями и культурнымъ вліяніемъ распространили это письмо въ сосѣднихъ странахъ, причемъ народы, вводившіе клинопись у себя, какъ напр. персы, урартійцы и др., видоизмѣняли ее, иногда упрощали, примѣняя къ своимъ языкамъ.

Письмо это европейскими путешественниками, срисовавшими надписи, было названо клинообразнымъ (cuneiforme), такъ какъ въ основѣ его лежитъ начертаніе, напоминающее клинъ или _возодь. Греческіе авторы называли его γράμματα Ἀσσύρια - ассирійскими письменами; по крайней мѣрѣ, такъ называетъ клинопись Геродотъ (IV, 87), упоминая о надписяхъ, сдѣланныхъ Даріемъ Гистаспомъ на двухъ мраморныхъ столбахъ, которые онъ велѣлъ поставить на берегу Босфора для увѣковѣченія своего похода на скиѳовъ. Основныя фигуры письма составляютъ: клинъ 𐎡, треугольникъ 𐏁 и тупой или прямой уголъ, образующійся изъ двухъ сходящихся клиньевъ 𐎢; встрѣчается также т.наз. двойной клинъ, состоящій изъ двухъ меньшихъ клиньевъ, образующихъ прямую отвѣсную линію 𐎣. Эти немногіе основные знаки, сочетаясь между собой, образуютъ множество сложныхъ начертаній, клинообразныхъ группъ, обозначающихъ идеограммы, слога и буквы.

Раньше открытія клинообразныхъ надписей въ огромномъ количествѣ на почвѣ древняго Вавилона и Ниневіи, онѣ стали извѣстны, въ одиночныхъ образцахъ, въ Европѣ изъ сообщеній путешественниковъ, посѣщавшихъ развалины Персеполя и Сузъ, гробницы въ мѣстности Накши-Рустемъ близъ Персеполя, Бегистанскую скалу близъ г.Керманшаха, ущелье Алъвандъ близъ Гамадана (древ. Экбатаны) и утесы близъ г.Вана въ Арменіи. Первымъ, указавшимъ на клинообразныя надписи въ развалинахъ Персеполя (въ области Фарсистанъ въ Персіи), былъ извѣстный путешественникъ итальянецъ Пьетро делла Валлэ (Pietro della Valle), ѣздившій въ Персію въ первой четверти XVII-го столѣтія (въ 1621 г.). Затѣмъ, тѣ же надписи обратили на себя вниманіе знаменитаго французскаго путешественника Шардена (Chardin), который посвятилъ имъ нѣсколько страницъ въ описаніи своего путешествія по востоку, изданномъ въ Амстердамѣ въ 1711-мъ году*). Но скудныя свѣдѣнія европейскихъ ученыхъ объ этомъ странномъ письмѣ и неточные снимки имѣли слѣдствіемъ то, что даже являлось сомнѣніе въ существованіи клинописи и что, напримѣръ, извѣстный англійскій оріенталистъ XVII-го в. Томасъ Гайдъ (Thomas Hyde) считалъ эти знаки не письмомъ, а скульптурнымъ орнаментомъ. Точные снимки, разсѣявшіе всѣ сомнѣнія, были сдѣланы отцомъ историка Нибура датскимъ путешественникомъ Карстеномъ Нибуромъ, который, посѣтивъ развалины Персеполя въ 1765 г., скопировалъ клинообразныя надписи на трехъ плитахъ, вдѣланныхъ въ косяки воротъ одного изъ разрушенныхъ дворцовъ. Дѣлая эти снимки, Нибуръ замѣтилъ, что надписи начертаны тремя азбуками, и что письмена лѣваго изъ трехъ столбцовъ представляютъ менѣе сложныя сочетанія клиньевъ, чѣмъ

---

*) Voyages de M^r le Chevalier Chardin en Perse et autres lieux de l'Orient. Tome IX, contenant le premier voyage de l'Auteur d'Ispahan à Bender-Abassi et son r^etour à Ispahan.

письмена обоихъ другихъ. Далѣе, наблюдая надъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же знаковъ въ письмѣ 1-го столбца, онъ насчиталъ до 42-хъ различныхъ сочетаній, которыя считалъ за буквы *). Съ того времени, когда снимки Нибура очевидно доказали, что клинья не орнаменты, а письмена, въ Европѣ начинаются попытки къ дешифровкѣ надписей и опредѣленію ихъ языка. Оріенталистъ Тихсенъ **) (Tychsen) высказалъ предположеніе, оправдавшееся впослѣдствіи, что діагональный клинъ, встрѣчающійся часто въ текстѣ надписей 1-го столбца, служитъ знакомъ, раздѣляющимъ отдѣльныя слова: число отдѣльныхъ группъ (буквъ) между двумя діагональными клиньями колеблется въ предѣлахъ отъ двухъ до десяти; такимъ образомъ, эти группы знаковъ могли быть словами, а отдѣльныя входящія въ ихъ составъ начертанія - буквами. Затѣмъ появилась попытка къ чтенію клинописи, сдѣланная датскимъ академикомъ Мюнтеромъ въ 1802 г. ***), хотя и неудачная, такъ какъ изъ двѣнадцати опредѣленныхъ имъ буквъ только двѣ были узнаны вѣрно, но доказавшая, что надписи относятся къ періоду времени отъ Кира до Александра Македонскаго. Наконецъ, въ томъ же 1802 г. явилось изслѣдованіе молодого нѣмецкаго ученаго,

*) Karsten Niebuhr - Reisebeschreibungen (nach Arabien u. anderen umliegenden Ländern). Kopenhagen u. Hamburg, 1774-1778.

**) Въ статьѣ De cuneatis inscriptionibus persepolitanis lucubratio, напеч. въ Ростокѣ въ 1798 г.

***) Versuch über die keilförmigen Inschriften zu Persepolis. Kopenhagen, 1802.

учителя гимназіи родомъ изъ Ганновера, Георга Фридриха Гротефенда *), который самымъ удачнымъ образомъ разрѣшилъ тайну клинообразнаго письма первой системы (представленной въ 1-мъ столбцѣ) и положилъ прочное основаніе для всѣхъ дальнѣйшихъ успѣховъ дешифровки. Изъ того, что въ тройныхъ (трехстолбцовыхъ) надписяхъ надпись съ простѣйшими письменами стоитъ на первомъ мѣстѣ, Гротефендъ заключилъ, что она самая важная и должна быть написана на языкѣ господствующаго въ государствѣ народа, т.е. персовъ. Исходя изъ этого предположенія, Гротефендъ посредствомъ очень смѣлой догадки прочелъ на одной краткой надписи имя царя Дарія. Именно, сличая между собою надписи надъ двумя воротами (или дверьми) въ Персеполѣ, Гротефендъ нашелъ между ними двѣ весьма сходныя. Въ обѣихъ повторялась очень часто одна группа знаковъ, въ которой онъ подозрѣвалъ слово „царь". Различіе обѣихъ надписей состояло въ томъ, что одна начиналась группой, которую мы назовемъ А:

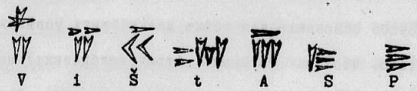
(A)

а другая - группой В:

(B)

*) Praevia de cuneatis quas vocant inscriptionibus persepolitanis legendis et explicandis relatio. Göttingen, 1802.

между тѣмъ, какъ остальныя слова были почти одинаковы; только въ первой надписи въ серединѣ стояла группа, которую назовемъ С:



а вторая надпись на мѣстѣ, занимаемомъ этой группой (С), имѣла группу А, стоящую въ началѣ первой надписи. Такимъ образомъ, надписи представляли:

1-я - А царь . . . . С . . . . . .

2-я - В царь . . . . А царь . . .

Разсматривая обѣ надписи, Гротефендъ предположилъ, что группы А,В,С заключаютъ личныя имена и изъ аналогіи буквенныхъ надписей изъ временъ Сасанидовъ, уже разобранныхъ извѣстнымъ французскимъ оріенталистомъ Sylvestre de Sa[illegible], вывелъ, что эти царскія имена были между собою въ генеалогическомъ родствѣ, т.е. что С былъ отцомъ царя А, а царь А былъ отцомъ В. Но за именемъ С не слѣдовала группа знаковъ, въ которой заключалось слово „царь". Отсюда - дальнѣйшій выводъ, что С не былъ самъ царемъ, а что А былъ основателемъ царской династіи. Какой же могъ быть это царь и кто былъ его сыномъ? Изъ классическихъ писателей Гротефендъ зналъ, что цари изъ династіи Ахеменидовъ построили персепольскіе дворцы. Между царями этой династіи было только двое основателей династій на персидскомъ престолѣ - Киръ и Дарій. Имя перваго не подходило къ группѣ А, во-первыхъ, потому что это имя слишкомъ для нея кратко,

во-вторыхъ, потому что въ такомъ случаѣ группы С и В должны были бы быть тождественны, такъ какъ и отецъ, и сынъ Кира оба назывались Камбизами. Оставалось, такимъ образомъ, подставить имя Дарія подъ группу А. Тогда группа В должна была заключать имя его сына Ксеркса, а группа С - его отца Гистаспа, который самъ царемъ не былъ, съ чѣмъ согласовалось отсутствіе предполагаемаго слова „царь" послѣ группы С. И вотъ Гротефендъ подставилъ подъ группу А форму имени Дарія, выведенную имъ предположительно изъ сличенія формъ греческой, еврейской и позднѣйшей персидской, именно, - *Darhmuš* и такимъ же образомъ имена Ксеркса (*Khšarša*) и Гистаспа (*Vištasp*) подъ группы В и С. Предположеніе и чтеніе Гротефенда оправдалось блестящимъ образомъ: онъ ошибся только въ опредѣленіи одной буквы, которую читалъ какъ *h*, между тѣмъ какъ она выражала звукъ *ya*, какъ доказалъ гораздо позднѣе французскій ученый Жакэ (Jaquet). Въ настоящее время имя Дарія читаютъ *Dâr(a)yavuš*, Ксеркса - *Khšayârša*, Гистаспа - *V(i)štâspa*. Правильность чтенія имени Ксеркса была подтверждена неожиданнымъ образомъ со стороны египтологовъ. Еще въ 1762 г. была обнародована графомъ Кайлюсъ (Caylus) алебастровая ваза съ іероглифической и клинообразной надписью - „Ксерксъ великій царь". При сличеніи клинообразные знаки оказались тождественными съ тѣми, въ которыхъ Гротефендъ читалъ имя этого царя. Путемъ такихъ подстановокъ уже найденныхъ буквъ подъ другія имена персепольскихъ надписей ганноверскому ученому удалось опредѣлить 12 буквъ и проложить путь для дальнѣйшихъ изслѣдователей. Конечно, съ этимъ запасомъ буквъ Гротефендъ не могъ

еще прочесть и перевести всей надписи, имъ разсмотрѣнной, но онъ доказалъ, на основаніи чтенія слова „царь" (*khšâio*, теперь читаютъ *khayâθiya*), что языкъ ея - языкъ Зендавесты, и это уже было значительнымъ успѣхомъ для его времени. Теперь намъ извѣстно, что языкъ персепольскихъ надписей 1-ой системы не языкъ Авесты, а нарѣчіе очень близкое къ нему, именно древне-персидское *). Двадцать лѣтъ послѣ открытія Гротефенда норвежскій ученый Раскъ нашелъ въ одной группѣ клиньевъ названіе „Ахеменидъ" и добавилъ къ азбукѣ Гротефенда еще 2 буквы (m и n) **). Раскъ воспользовался дешифровкой клинописи 1-й системы для доказательства подлинности Зендавесты, которою уже тогда съ успѣхомъ занимались европейскіе ученые. Вообще, изученіе санскрита, начинавшее въ это время проникать въ Германію и Францію, и особенно успѣхи въ изученіи языка Авесты открыли путь и для грамматическаго изученія языка персидскихъ клинообразныхъ надписей. Въ 1836 г. одновременно появились два изслѣдованія о надписяхъ Ахеменидовъ, принадлежавшія корифеямъ тогдашней ориенталистики - французскому ученому Бюрнуфу и

*) Подробное изложеніе результатовъ, къ которымъ пришелъ Гротефендъ, можно найти въ статьѣ, приложенной къ первому тому извѣстнаго сочиненія Герена: Ideen über die Politik und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt, изд. 1805 и 1824г. Описаніе дешифровки клинописи затѣмъ часто повторялось. Изъ послѣднихъ можно указать: Dr. Leopold Messerschmidt - Die Entzifferung der Keilschrift. Leipzig 1903.

**) Rask - Ueber das Alter und die Echtheit der Zendsprache u. der Zendavesta. Berlin 1826.

нѣмецкому - Лассену. Изслѣдованіе перваго ученаго увеличило уже ранѣе извѣстный клинописный матеріалъ двумя надписями, найденными въ копіяхъ среди бумагъ убитаго въ Курдистанѣ нѣмецкаго путешественника Шульца *). Исходя изъ этихъ, отлично сохранившихся, надписей Дарія Гистаспа, Бюрнуфъ прочелъ нѣкоторыя географическія названія, какъ-то: *Mâd* (Мидія), *Bâkhtriš* (Бактрія) и *Bâbiruš* (Вавилонъ). Со своей стороны Лассенъ **), вооруженный, какъ и Бюрнуфъ, основательнымъ знаніемъ древнеиндійскаго (санскритскаго) и авестійскаго языка, опредѣлилъ болѣе точно буквы Гротефендовой азбуки, дополнилъ ихъ новыми, и первый высказалъ совершенно вѣрную мысль, что звукъ *a* не пишется внутри словъ послѣ согласныхъ, но подразумѣвается при каждомъ согласномъ (если нѣтъ знака другой гласной), какъ въ санскритской, т.наз. деванагарокой, азбукѣ. Съ болѣе совершенной и полной азбукой, данной этими изслѣдованіями, можно было приступить уже съ полной надеждой на успѣхъ къ разбору надписей и наблюденію грамматическихъ свойствъ ихъ языка.

Между тѣмъ какъ ученые въ Европѣ завоевывали такимъ образомъ въ персидской клинописи одну букву за другой, такою же работой занимался въ Азіи Генри Раулинсонъ, англійскій офицеръ въ персидской арміи, знаменитый впослѣдствіи предсѣдатель Лондонскаго Географическаго Общества. Работы этого даровитаго изслѣдователя находились лишь въ незначительной связи съ трудами европейскихъ ученыхъ. Онъ

*) E.Burnouf - Mémoire sur deux Inscriptions cunéiformes trouvées près d'Hamadan. Paris 1836.

**) Dr. Christ.Lassen - Die Altpersischen Keilinschriften von Persepolis. Bonn 1836.

началъ заниматься клинообразными письменами съ 1835 г. во время своего пребыванія въ Персіи въ г.Керманшахѣ. Даже работы Гротефенда не были ему извѣстны, и, такимъ образомъ, ему приходилось начинать сначала. Начавъ съ альванидскихъ надписей, какъ и Бюрнуфъ, онъ самостоятельно разобралъ имена Дарія, Ксеркса и Гистаспа. Затѣмъ онъ списалъ, преодолѣвъ многія препятствія, обширную (болѣе 400 строкъ) надпись Бегистана, высѣченную на почти отвѣсной скалѣ на высотѣ около 100 метровъ и содержавшую (какъ оказалось) лѣтопись первыхъ лѣтъ царствованія Дарія Гистаспа. Эта надпись была наполнена географическими и личными именами, разборъ которыхъ значительно подвинулъ впередъ опредѣленіе знаковъ. Только въ 1836 году получилъ Раулинсонъ возможность познакомиться въ Тегеранѣ съ трудами Гротефенда, и сличеніе его азбуки со своей убѣдило Раулинсона, что онъ уже опередилъ европейскаго ученаго. Черезъ два года привелось ему прочесть и работу Бюрнуфа о клинообразныхъ письменахъ и его же замѣчательный комментарій къ одной изъ частей Зендавесты - Яснѣ (Commentaire sur le Jaçna), который значительно расширилъ знакомство съ языкомъ Авесты. Дипломатическая миссія въ Афганистанѣ на нѣсколько лѣтъ отвлекла Раулинсона отъ клинообразныхъ надписей, и только въ 1846 г. обнародовалъ онъ результаты своихъ изслѣдованій бегистанской надписи а также ея текстъ и переводъ *). Чтеніе болѣе 120 личныхъ именъ, заключающихся въ этой надписи, послужило блестящимъ подтвержденіемъ вѣрности соображеній Гротефенда,

*) The Persian Cuneiform Inscription of Behistan decyphered and translated etc. by Major Henry Rawlinson. 1846 (три выпуска).

Бюрнуфа, Лассена и другихъ. Когда посредствомъ этой азбуки были прочтены имена предковъ Дарія - *Arsâma, Ariyârâmna, Čaispiš, Hakhâmaniš*, которыя Геродотъ приводитъ въ томъ же порядкѣ, но въ греческой передачѣ - *Arsames, Ariaramnes, Teïspes* и *Achaemenes*, тогда разсѣяны были окончательно всѣ сомнѣнія относительно правильности метода ученыхъ. Послѣдующія работы ученыхъ - Гинкса(Hincks), Шпигеля, Венфея, Керна и друг. окончательно выяснили и графику, и законы древнеперсидскаго языка, такъ что въ настоящее время чтеніе клинообразныхъ письменъ первой (персидской) системы, можно сказать,- уже оконченная работа.

Успѣшное чтеніе письменъ перваго столбца трехъязычныхъ надписей Ахеменидовъ послужило въ свою очередь ключемъ къ прочтенію надписей 2-го и 3-го типа. Арійскій языкъ древнихъ персовъ не былъ въ народномъ употребленіи на всемъ пространствѣ Персидской монархіи, хотя и былъ языкомъ официальнымъ. Въ Ассиріи, Мидіи, Эламѣ и другихъ странахъ арійцы застали болѣе раннее населеніе несемитское и семитское, и, несмотря на свое политическое могущество, не распространили области своего языка за предѣлы горъ, отдѣляющихъ собственный Иранъ отъ странъ, орошаемыхъ Тигромъ и Евфратомъ. Въ этихъ областяхъ говорили съ незапамятныхъ временъ на языкахъ семитской лингвистической семьи. Въ занятой арійцами Сузіанѣ, странѣ древнѣйшей культуры, сохранился среди туземцевъ мѣстный языкъ несемитской семьи, т.наз. новосузіанскій. Такимъ образомъ, для управленія арійскими областями монархіи, персидское правительство въ официальныхъ документахъ должно было пользоваться мѣстными языка-

ми, чѣмъ объясняется тотъ фактъ, что надписи Ахеменидовъ написаны на трехъ языкахъ, изъ которыхъ языкъ перваго столбца былъ языкомъ завоевателей - персовъ, языкъ второго - новосузіанскій, третьяго - вавилоно-ассирійскій. Замѣтимъ, что система начертаній второго столбца довольно близка къ вавилоно-ассирійской и содержитъ до 111-ти отдѣльныхъ знаковъ. Письмо третьяго столбца, наиболѣе сложное, состоитъ изъ нѣсколькихъ сотенъ знаковъ, обозначающихъ и отдѣльныя слова, и слоги. Вначалѣ сложная система вавилоно-ассирійскаго письма мало привлекала любознательность ученыхъ: вѣдь тексты, написанные третьей системой, были только переводами съ персидскаго и не обѣщали для исторіи новыхъ цѣнныхъ пріобрѣтеній. Но скоро дѣло приняло другой оборотъ. Раскопки ассиро-вавилонскихъ развалинъ, едва начатыя, доставили массу новыхъ клинообразныхъ надписей, и всѣ онѣ были писаны третьей системой клинописи. Эти надписи оказывались на кирпичахъ древнихъ дворцовъ, на глиняныхъ призмахъ и цилиндрахъ, зарытыхъ подъ фундаментами зданій, на мраморныхъ и алебастровыхъ плитахъ, на барельефахъ, на колоссальныхъ быкахъ и львахъ, украшавшихъ ассирійскіе дворцы, и на массѣ глиняныхъ таблетокъ, составлявшихъ дворцовую библіотеку ассирійскихъ царей. Понятно, что при открытіи столь обильнаго матеріала ученые съ особымъ рвеніемъ приступили къ изученію ассиро-вавилонскаго письма, и дешифровка его была лишь вопросомъ времени. Работа началась съ трехъязычныхъ надписей, и персидскій текстъ перваго столбца сослужилъ для двухъ другихъ языковъ ту же службу, какую ранѣе со-

служилъ греческій текстъ розеттскаго камня для дешифровки египетскихъ іероглифовъ. Между тѣмъ какъ при дешифровкѣ персидскихъ надписей Гротефендъ исходилъ изъ гипотезы, ученые, посвятившіе свой трудъ надписямъ 3-го типа, имѣли уже прочное основаніе. Изъ собственныхъ именъ, содержащихся въ персидскомъ текстѣ, девятьсотъ оказалось въ ассирійскомъ (остальныя были пропущены или уничтожены временемъ), и эти-то имена послужили къ опредѣленію уже съ самаго начала цѣлаго ряда начертаній. Работы Левенштерна (1847), Ботта (1847), Гротефенда (1848), Штерна (1850), де-Лонгперье, де-Соси (Sauley), Раулинсона, Оппера, Гинкса, Менана (Ménant), Норриса, Фокс Тальбота и друг. слѣдовали быстро одна за другой въ теченіе 40-хъ и 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія; съ каждымъ годомъ преодолѣвались все болѣе непомѣрныя вначалѣ трудности сложнаго письма, и результаты чтенія становились вѣрнѣе и точнѣе. Важный шагъ былъ сдѣланъ ирландскимъ ученымъ Гинксомъ, который доказалъ, что ассирійскія письмена выражаютъ не отдѣльные звуки, а слоги. Сличая, напримѣръ, персидское написаніе имени бога Аурамазды съ соотвѣтствующимъ ассирійскимъ, нашли, что звукъ *р* выражается не всегда однимъ и тѣмъ же начертаніемъ, а четырьмя различными. Гинксъ первый доказалъ, что четыре различныя начертанія не выражаютъ одного и того же согласнаго звука *р*, а представляютъ слоги *ур-*, *ру-*, *ри-*, *ра-*, принадлежавшіе несемитскому и ассирійскому произношенію этого имени: Ахурмазда, Урумазда, Урмазда и Урамазда. Такимъ образомъ, въ этой системѣ письма одна и та же согласная получаетъ со-

верженно иной видъ въ сочетаніи съ тремя гласными *a,u,y* (*a, i, u*). Напримѣръ, для слоговъ *ma, mi, mu, am, im, um* существуютъ шесть различныхъ начертаній.

Затѣмъ было найдено, что, въ силу силлабическаго принципа, слогъ, начинающійся и кончающійся согласнымъ, напр. *mas*, разлагался такимъ образомъ, что *a* связывалось въ одинъ комплексъ съ первымъ и вторымъ согласнымъ, т.е. слогъ *mas* писался двумя слоговыми начертаніями: ma-az, хотя въ выговорѣ гласная не удваивалась.

Далѣе сдѣлано было важное открытіе, что ассирійское письмо не только силлабическое, но въ основѣ своей было письмомъ идеографическимъ, т.е. выражающимъ представленія, подобно нѣкоторымъ египетскимъ іероглифамъ. Система ассирійской клинописи въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ на памятникахъ, представляетъ изумительную смѣсь системы звуковой и идеографической. Уже Гротефендъ, разсматривая ассирійскій переводъ персидскихъ надписей Ахеменидовъ, замѣтилъ, что многія слова оригинала были выражены въ переводѣ не словами, а одиночными знаками. Онъ принялъ эти знаки ошибочно за сокращенія; теперь доказано, что это - идеограммы. Послѣднія выражаютъ нѣкоторыя наиболѣе часто встрѣчающіяся понятія, какъ-то: богъ, отецъ, мать, сынъ, царь, человѣкъ, годъ, день, мѣсяцъ, страна, городъ, ворота, домъ, семья, рѣка и друг. Вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ же слова выражаются и слогами, напр., „царь" пишется то идеограммой, то слогами *Šar-ri*, „страна" - то идеограммой, то слогами *ma-ti* и т. д. Главная трудность такого способа письма состоитъ въ томъ, что, напр.,

какое-нибудь многосложное слово дѣлилось на части и часть его писалась идеограммой, а другая - слогами. Этотъ способъ напоминаетъ нѣсколько тотъ, которымъ у насъ составляются т.наз. ребусы.

Но этимъ еще далеко не исчерпываются трудности ассирійской клинописи. Наиболѣе затруднявшимъ дешифровку представляется явленіе, обозначаемое ассиріологами терминомъ „*полифонія*". Когда Раулинсонъ въ 1851 г. издалъ Ассирійскій силлабарій, оказалось, что одинъ и тотъ же клинообразный знакъ могъ произноситься и *kal*, и *laḫ*, и *riḫ* и *dâ*. Явленіе это было до такой степени загадочно, что поставило втупикъ ассиріологовъ и на время охладило ихъ надежды сдолѣть и эту трудность. Дальнѣйшія наблюденія подтвердили полифонію и вмѣстѣ съ тѣмъ открыли, что она представляла затрудненіе даже для самихъ ассирійцевъ, такъ какъ въ библіотекѣ царя Ассурбанипала были открыты таблицы, составленныя по его повелѣнію, въ которыхъ каждый клинописный знакъ сопровождался всѣми своими звуковыми произношеніями. Оставалось ассиріологамъ примириться и съ этимъ явленіемъ и постараться его изучить и объяснить. Объясненіе этого факта состоитъ въ слѣдующемъ. Какъ у насъ слово можетъ принимать нѣсколько значеній, употребляясь какъ въ собственномъ, такъ и въ переносномъ смыслѣ, такъ у вавилоно-ассирійцевъ одинъ и тотъ же клинообразный знакъ, обозначавшій первоначально одно понятіе, могъ быть перенесенъ къ обозначенію другихъ близкихъ ему понятій. Но послѣднія соотвѣтствовали въ устномъ языкѣ словамъ, совершенно различнымъ между собой по звукамъ, и, такимъ образомъ, одинъ и

тотъ же знакъ могъ выражать нѣсколько звуковъ. Слѣдовательно, полифонія вытекаетъ изъ того, что въ основѣ клинообразное письмо было идеографическимъ, а не звуковымъ.

Палеографическое изученіе вавилоно-ассирійскихъ надписей показало, что письмо этого типа имѣетъ нѣсколько видовъ, болѣе или менѣе древнихъ. На многихъ памятникахъ, найденныхъ преимущественно въ Южной Вавиловіи, сохранились письмена болѣе сложныя, которыя принято называть архаическими. Наконецъ, на нѣкоторыхъ древнѣйшихъ памятникахъ нашли и третій способъ письма, совершенно отличный отъ двухъ первыхъ и, притомъ, не клинообразный, а іероглифическій или іератическій, состоящій не изъ клиньевъ, а изъ прямолинейныхъ предметныхъ рисунковъ. Этотъ способъ даетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, наглядное объясненіе происхожденію клинописи. Дѣйствительно, сличая одну и ту же идеограмму въ разныхъ типахъ письма, нетрудно убѣдиться, по крайней мѣрѣ относительно нѣкоторыхъ, что въ основѣ ихъ фигуръ лежитъ іероглифъ. Такъ, понятіе „богъ" пишется іератически , архаически , а въ позднѣйшемъ письмѣ ; „рука" - іератически , т.е. изображеніе пяти пальцевъ, а въ позднѣйшемъ письмѣ ; „солнце" - іератически , архаически , въ позднѣйшемъ ; „глазъ" - іератически , въ позднѣйшемъ ; „ухо" - архаически , въ позднѣйшемъ ; „царь" изображается въ іератическомъ письмѣ фигурой пчелы , въ позднѣйшемъ эту фигуру узнать уже трудно.

Отсюда видно, какія трудности со всѣхъ сторонъ окружали ассиріологовъ. Имъ приходилось разгадывать чтеніе каждаго слова, каждаго знака. Они должны были различать идеограммы отъ силлабическихъ знаковъ; добиваться, каково было точное произношеніе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ полифоническаго знака, и объяснять значеніе добываемыхъ словъ сличеніемъ ихъ со сходными словами другихъ семитскихъ языковъ. Понятно, какъ шатки должны были быть первые шаги ассиріологіи, какъ часто приходилось ошибаться и затѣмъ поправлять ошибки. Однако, мало-по-малу дѣло шло впередъ, и уже въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія появляются грамматики, словари и силлабаріи, облегчавшіе изученіе ассирійскаго языка дальнѣйшимъ отрядамъ ученыхъ *).

Первый, кто высказалъ мысль, что клинообразныя письмена ассиро-вавилонскаго типа были изобрѣтены не семитами, а заимствованы ими отъ туземнаго болѣе ранняго и культурнаго несемитскаго населенія, былъ Жюль Опперъ (Oppert), совершившій по порученію французскаго правительства путешествіе въ Месопотамію въ 50-хъ годахъ и изложившій затѣмъ результаты своихъ занятій клинописью въ трудѣ: „Expédition scientifique en Mésopotamie" (два тома: 1-й вышелъ въ 1862, 2-ой въ 1859 г.). Опперъ исходилъ изъ положенія, что клинообразныя письмена употреблялись, какъ видно изъ надписей, пятью неарійскими народами: ассирійцами, эламитами, протоармянами (над-

---

*) Назовемъ, какъ первые, труды: OPPERT - Elements de la grammaire assyrienne 1860; SAYCE - Assyrian Grammar 1872; SCHRADER - Die assyrischen Keilschriften 1872; MÉNANT - Le syllabaire assyrien 1869-72; NORRIS - Assyrian dictionary 1869-1872, и нѣкоторые другіе.

писи у Вана), мидянами и, наконецъ, пятымъ племенемъ, жившимъ среди семитскаго населенія Халдеи, племенемъ, названнымъ Опперомъ сначала касдо-скиѳами, а затѣмъ сумерійцами. Палеографическое изученіе клинообразныхъ письменъ доказало, что послѣднія были изобрѣтеніемъ не всѣхъ этихъ народовъ самостоятельно, а котораго-нибудь одного народа, передавшаго ихъ впослѣдствіи другимъ. Который же изъ этихъ народовъ съ большей вѣроятностью можетъ быть признанъ такимъ изобрѣтателемъ? Изслѣдуя полифонію клинообразныхъ знаковъ и отыскивая ея причину, Опперъ замѣтилъ, что она гораздо болѣе распространена въ вавилоно-ассирійскихъ надписяхъ, нежели въ документахъ другихъ народовъ, и что полифонія находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что семиты-вавилоняне заимствовали идеограммы отъ другого народа и вмѣстѣ съ тѣмъ читали эти знаки силлабично. Поясникъ это примѣромъ. Извѣстное начертаніе ( ) обозначаетъ *дом* (по-ассирійски соотвѣтствующее слово - *bit*), но вмѣстѣ съ тѣмъ оно же читалось,какъ слогъ *mal*, потому что у того народа,отъ котораго были заимствованы письмена, *дом* назывался *mal*. Разбирая цѣлый рядъ подобныхъ примѣровъ, Опперъ пришелъ къ заключенію, что этотъ касдо-скиѳскій языкъ, возстановляемый, до нѣкоторой степени, изъ ассиро-вавилонскихъ идеограммъ, былъ языкомъ несемитскимъ, и что народъ, на немъ говорившій и предшествовавшій на почвѣ Вавилоніи семитамъ, былъ изобрѣтателемъ клинообразнаго письма.Эти заключенія геніальнаго изслѣдователя были основаны, въ то время, скорѣе на счастливой догадкѣ, чѣмъ на неопровержимыхъ данныхъ, и потому неудивительно, что новизна ихъ и неожиданность возбудили

сильныя сомнѣнія въ ученомъ мірѣ. Въ 1859 г., высказывая свои положенія, Опперъ основывалъ ихъ на гипотетическомъ языкѣ, который выводилъ изъ звукового произношенія ассирійскихъ идеограммъ. Онъ еще не подозрѣвалъ, что этотъ языкъ не гипотетическій,что на немъ сохранилось много письменныхъ памятниковъ и что впослѣдствіи ученымъ удастся составить и грамматику, и словарь этого языка. Между тѣмъ, въ Англіи вопросъ о языкѣ досемитскаго населенія Вавилоніи вскорѣ подвинулся далѣе впередъ. Здѣсь въ 1866 г. во 2-мъ томѣ капитальнаго изданія, редактированнаго Раулинсономъ и Норрисомъ „Клинообразныя надписи Западной Азіи" („Cuneiform inscriptions of Western Asia") были напечатаны съ точностью facsimile знаменитыя двуязычныя таблицы, которыя ассирійскій царь Ассурбанипалъ хранилъ въ библіотекѣ своего дворца въ Ниневіи; таблицы, составленныя какъ пособія для изученія древняго (сумерійскаго) языка ассирійскимъ писцамъ и представившія европейскимъ ученымъ возможность ознакомиться ближе съ этимъ языкомъ. Однако рѣшеніе вопросовъ, связанныхъ съ языкомъ досемитскимъ на почвѣ Южной Вавилоніи, затянулось почти до исхода XIX столѣтія. Въ теченіе періода отъ начала 60-хъ годовъ до конца столѣтія велась оживленная полемика въ средѣ ассиріологовъ, особенно обострившаяся съ тѣхъ поръ, какъ въ 74 году извѣстный семитологъ Галеви выступилъ съ рядомъ статей, въ которыхъ старался доказать, что такъ наз.сумерійскій или аккадійскій языкъ никогда не существовалъ; что то въ чемъ ассиріологи видятъ языкъ, только особая искусственная

система письма (аллографія), и что изобрѣтеніе клинописи принадлежитъ однимъ семитамъ. Галеви, указавшему, дѣйствительно, на многія увлеченія ассиріологовъ, удалось привлечь на свою сторону нѣкоторыхъ изъ нихъ и даже временно поколебать мнѣніе такого крупнаго нѣмецкаго ассиріолога, какъ Деличъ.

Вопросы, за которые ломали копья ассиріологи въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, были таковы: 1) есть ли клинопись семитское, или несемитское изобрѣтеніе? 2) представляетъ ли т.наз. сумерійскій языкъ ассирійскую аллографію, или дѣйствительный языкъ? 3)какое имя слѣдуетъ дать этому языку? 4) въ какихъ родственныхъ отношеніяхъ онъ находится къ другимъ языкамъ? Не наше дѣло входить въ перипетіи этой борьбы спеціалистовъ. Ограничусь только самыми краткими свѣдѣніями о положеніи этихъ вопросовъ въ настоящее время, пользуясь обстоятельной исторіей сумерійскаго вопроса, изложенной ассиріологомъ Вейсбахомъ въ книгѣ: „Die Sumerische Frage" (1898 г.).

Въ настоящее время теорія, выдвинутая Галеви, вполнѣ отвергнута. Ассиріологи видятъ въ томъ, что Галеви считаетъ іератическимъ способомъ письма, дѣйствительный несемитскій языкъ, бывшій нѣкогда въ употребленіи въ Южной Вавилоніи раньше семитскаго языка. Существенныя отличія этого языка отъ ассиро-вавилонскаго заключаются въ томъ, что онъ по типу принадлежитъ къ языкамъ агглютинирующимъ, а не флексивнымъ. Въ ассирійскомъ, какъ семитскомъ, языкѣ грамматическія формы главнымъ образомъ развиваются изъ корня чрезъ измѣненія гласныхъ звуковъ; въ сумерійскомъ корень остается неизмѣннымъ и формы образуются посредствомъ внѣшнихъ прибавокъ (суффиксовъ). Въ немъ въ извѣстной степени наблюдается и гармонія гласныхъ, какъ въ тюркскихъ языкахъ. Ассирійскій языкъ имѣетъ грамматическій родъ, сумерійскій его не знаетъ. Ассирійскій языкъ имѣетъ предлоги, сумерійскій только послѣлоги (postpositiones). Ассирійскій языкъ суффигируетъ мѣстоименное дополненіе, сумерійскій инфигируетъ его. Этотъ языкъ, ставшій изъ живого книжнымъ, продолжалъ быть литературнымъ и въ то время, когда первоначальное населеніе Южной Вавилоніи было семитизировано, чѣмъ и объясняется фактъ внесенія въ сумерійскій языкъ многихъ семитскихъ словъ. Уже въ глубокой древности трудно найти сумерійскій письменный памятникъ, въ которомъ не было бы семитскихъ элементовъ: это и дало Галеви и его сторонникамъ основаніе видѣть въ немъ семитскую аллографію. Вопросъ о названіи несемитскаго языка Южной Вавилоніи вызвалъ также разногласіе среди ассиріологовъ. Дѣло въ томъ, что оба названія *Šumer* и *Akkad* встрѣчаются рядомъ на памятникахъ, обозначая населеніе страны. Въ обычный титулъ вавилонскихъ и затѣмъ ассирійскихъ царей входило выраженіе: „*Šar Šumeri u Akkadi*" - „царь Сумировъ и Аккадовъ". Эти названія вызвали вопросъ, слѣдуетъ ли считать ихъ этнографическими, или географическими, т.е. обозначаютъ ли они двѣ народности, или двѣ провинціи. Въ настоящее время найдено доказательство тому, что ассирійцы называли сумерійскимъ языкъ лѣваго, именно, несемитскаго столбца двуязычныхъ клинописныхъ текстовъ, и большинство ассиріологовъ поэтому прилагаютъ это названіе къ несемитскому языку Южной Вави-

лоніи. Что касается лингвистическихъ отношеній сумерійскаго языка къ другимъ, то по этому вопросу выдвинуто было нѣсколько гипотезъ. Его сближали съ египетскимъ, китайскимъ, этрусскимъ, баскскимъ, хатійскимъ, дравидскимъ, но всего упорнѣе съ языками урало-алтайскими (финскими, тюркскими, монгольскими), съ которыми, дѣйствительно, по мнѣнію большинства современныхъ ассиріологовъ, сумерійскій языкъ имѣетъ наибольшее родство. Что касается вопроса, кто былъ изобрѣтателемъ клинописи, семиты или сумерійцы, то этотъ вопросъ рѣшается въ пользу послѣднихъ. Это доказывается тѣмъ, что клинопись мало приспособлена для выраженія спеціальныхъ звуковъ, свойственныхъ семитскимъ языкамъ, чего бы не было, если бы она была сначала изобрѣтена для семитскаго языка. Во-вторыхъ, употребленіемъ идеограммъ въ фонетическомъ значеніи не соотвѣтствующемъ семитскому языку, напр., идеограмма для слова „*ada*", какъ фонетическій знакъ, читалась не „*Mu*" а „*a*". Несмотря на попытки Галеви сближать фонетическое значеніе многихъ идеограммъ съ семитскими словами, другіе семитологи рѣшительно опровергаютъ его сопоставленія и признаютъ, что сотни идеограммъ въ ихъ фонетическомъ произношеніи выражаютъ слова несемитскаго языка, для обозначенія которыхъ соотвѣтствующія клинописныя группы и были изобрѣтены. Такимъ образомъ, существованіе сумерійскаго языка, распадавшагося, по мнѣнію ученыхъ, на нѣсколько діалектовъ, считается въ настоящее время вполнѣ доказаннымъ.

II. Археологическія изслѣдованія на почвѣ Ассиріи и Вавилоніи.

Огромное значеніе для изученія вавилоно-ассирійской культуры въ древности представляютъ археологическія изслѣдованія почвы Месопотаміи, начавшіяся въ 40-хъ годахъ XIX столѣтія и продолжающіяся до настоящаго времени.

Древняя столица ассирійскихъ царей Ниневія на Тигрѣ совершенно исчезла съ географическихъ картъ уже въ отдаленное время. Въ Сѣверной Месопотаміи противъ торговаго города Мосуля, на лѣвомъ берегу Тигра и при впаденіи въ него Хосера (европейскіе путешественники въ XVI и XVII вв. указывали на высокіе, повидимому, искусственные холмы, на вершинѣ одного изъ которыхъ, по традиціи арабовъ, была гробница пророка Іоны (т.наз. Nebi-Junus). Припоминая отношенія пророка къ Ниневіи, которой онъ предрекалъ кару Божію, путешественники высказывали догадку, что эти холмы покрываютъ остатки Ниневіи. Догадка эта оправдалась въ 1820 году, когда резидентъ Компаніи Восточной Индіи (East India Company) въ Багдадѣ Джемсъ Ричъ посѣтилъ городъ Мосуль и обратилъ вниманіе на два значительные холма на противоположной сторонѣ Тигра, въ виду того, что жители Мосуля разсказывали ему о скульптурныхъ остаткахъ, случайно вырытыхъ въ этой мѣстности. Ричу удалось достать нѣсколько случайно найденныхъ древностей, и онъ пришелъ къ убѣжденію, что въ почвѣ обоихъ холмовъ - Куюнджикъ и Неби-Юнусъ - слѣдуетъ искать развалинъ Ниневіи. Конечно, Ричъ не подозрѣвалъ, что эти обожженныя солнцемъ кучи мусора покрываютъ нѣсколько дворцовъ ассирійскихъ царей. Только 20 лѣтъ

спустя послѣ пребыванія Рича въ Мосулѣ начались здѣсь раскопки. Честь открытія перваго дворца принадлежитъ французскому консулу Эмилю Ботта (въ 1842 г.). Онъ предпринялъ сначала раскопки въ холмѣ Куюнджикъ, но безъ особеннаго успѣха. Тогда, послѣдовавъ совѣту нѣкоторыхъ мѣстныхъ жителей, Ботта перенесъ свои изслѣдованія нѣсколько далѣе отъ Мосуля на сѣверъ, въ 4-хъ часахъ пути, въ деревню Хорсабадъ. Здѣсь уже въ первые дни раскопокъ рабочіе натолкнулись на массивную стѣну и, слѣдуя за нею, открыли рядъ залъ, украшенныхъ барельефами и надписями, затѣмъ - остатки храма, великолѣпный порталъ съ крылатыми быками, словомъ, какъ выяснилось впослѣдствіи, дворецъ царя Саргона, завоевателя Самаріи. Великолѣпное собраніе добытыхъ консуломъ Ботта (въ 1843-1845 гг.) древностей поступило въ Парижъ въ Луврскій Музей. Раскопки Ботта продолжалъ его преемникъ въ Мосулѣ, консулъ, архитекторъ Пласъ (Place) въ 1852 г.

Но еще бо́льшая заслуга въ открытіи ассирійскихъ древностей принадлежитъ англійскому дипломату Аустенъ Генри Лэйарду. Въ 1847--1850 гг. онъ раскопалъ рядъ развалинъ къ югу отъ Мосуля. Лэйардъ началъ свои изслѣдованія съ деревни Нимрудъ на лѣвомъ берегу Тигра, въ 30 километрахъ отъ Мосуля, при впаденіи Большого Заба въ Тигръ. Здѣсь онъ открылъ въ развалинахъ древняго города Калаха (или Калхи) 4 дворца: Салманасара I-го (Салмануссуръ), основавшаго городъ въ 1300 г.; Ассурназирпала, отстроившаго городъ вновь въ 885 году; Тиглатпилесара (Тугултипалесарра), извѣстнаго изъ Библіи, и царя Эсархаддона *). Еще далѣе на югъ на правомъ берегу Тигра въ

*) Отмѣтимъ, что русскій молодой оріенталистъ В.Ѳ.Диттель, путеше-

пространномъ холмѣ, называемомъ нынѣ Килехъ-Шергатъ, Лэйардъ открылъ развалины древнѣйшаго города ассирійской монархіи Ашура. Нѣсколько дворцовъ были раскопаны имъ и въ Куюнджикѣ и Неби-Юнусѣ. Особенно замѣчательно открытіе въ Куюнджикѣ дворцовъ Санхериба (Сеннахерибъ) и Ассурбанипала. Въ послѣднемъ была найдена знаменитая библіотека, сразу обогатившая наши свѣдѣнія объ Ассиріи цѣлой литературой клинописныхъ текстовъ *).

Въ 70-хъ годахъ (1872-76) раскопки въ Ассиріи были возобновлены знаменитымъ ассиріологомъ Джорджемъ Смисомъ (Smith) въ теченіе его трехъ путешествій въ Месопотамію (+ въ 1876 г.).

Раскопки въ собственной Вавилоніи до послѣднихъ двухъ десятилѣтій не носили такого систематическаго характера, какъ изслѣдованія Ассиріи. Имя Вавилона сохранилось въ видѣ Babil за однимъ холмомъ, возвышающимся на лѣвомъ берегу Евфрата, на разстояніи нѣ-

---

ствуя по Востоку на иждивеніи Министерства Нар. Просвѣщенія, первый изъ европейскихъ путешественниковъ началъ разрывать Нимрудскіе холмы (въ 1845 г.) и въ кратковременное пребываніе свое успѣлъ открыть камень (въ $2\frac{1}{2}$ аршина длины и $\frac{3}{4}$ аршина ширины), покрытый клинописью. Не имѣя средствъ продолжать археологическія разысканія въ Нимрудѣ, Диттель обратилъ на нихъ вниманіе г.Ботта, а послѣдній указалъ на Нимрудъ Лэйарду, который дѣятельно принялся раскапывать тамъ землю и открылъ великолѣпныя развалины ассирійской древности, которыя въ художественномъ отношеніи превосходятъ хорсабадскія. См. Труды Вост.Отдѣл. И.Археолог.Общества I, стр.287 (1855 г.).

*) LAYARD - Nineveh and its remains, 1850. Discoveries in the ruins of Babylon and Nineveh (1853). Second Expedition to Assyria (1867).

скольких миль отъ городка Хиллахъ (Hillah). Въ этой мѣстности, на протяженіи трехъ миль съ сѣвера на югъ вдоль берега рѣки, тянутся ряды холмовъ мусора. Самая сѣверная масса называется арабами Бабиль; она представляетъ неправильный четыреугольникъ, вышиной въ 130-140 футовъ, съ обширной площадкой наверху. Изслѣдованія Лэйарда, Раулинсона и Оппера выяснили впослѣдствіи, что Babil -остатокъ пирамидальнаго храма бога Беля-Мардука. Нѣсколько южнѣе отъ Бабиля возвышается масса развалинъ, называемыхъ арабами El-Kasr (дворецъ). Раскопки Оппера подтвердили, что El-Kasr - остатки знаменитаго дворца царя Навуходоносора. Третья группа развалинъ, еще южнѣе, называется холмомъ Амранъ (Tell-Amran) по гробницѣ мусульманскаго святого Амранъ-ибнъ-Али, находящейся на его вершинѣ. Эти три главныя массы развалинъ окружены на значительномъ пространствѣ множествомъ болѣе мелкихъ холмовъ, представляющихъ остатки столицы вавилонскаго царства. Раскопки въ этихъ мѣстахъ производились со стороны французовъ экспедиціей Фрѣеля и Оппера (въ 1851-1854 г.) *), со стороны англичанъ - Генри Раулинсономъ, Лофтусомъ и Тейлоромъ. Хотя почва Вавилоніи въ то время не дала такой богатой добычи, какъ почва Ассиріи, но все-таки Лувръ и Британ. Музей обогатились массой мелкихъ предметовъ и надписей, позволяющихъ ученымъ составить себѣ понятіе объ общественной и домашней жизни древней Халдеи.

Послѣ перерыва двухъ десятилѣтій случайная находка многочи-

*) Къ сожалѣнію значительное собраніе древностей, добытыхъ этой экспедиціей, погибло на пути въ водахъ Тигра 23 мая 1855 г.

сленныхъ клинописныхъ таблетокъ арабами въ развалинахъ Вабиля снова привлекла къ этимъ мѣстамъ вниманіе археологовъ. Англійскій консулъ въ Мосулѣ Гормуздъ Рассамъ открылъ здѣсь въ 1879 году еще нѣсколько сотенъ таблетокъ, такъ что вмѣстѣ съ ранѣе открытыми ихъ число возросло до 3000; найдены были также надписи Набукудурнуссура (Навуходоносора), Кира и Александра, и изслѣдованы развалины Эль-Касра (дворца). Рассаму же принадлежитъ честь открытія развалинъ древнѣйшаго города Халдеи, существовавшаго по вавилонскимъ сказаніямъ еще до потопа, - Сиппары (нынѣ мѣстность Тель-Абу-Хабба) со знаменитымъ храмомъ солнечнаго бога. Въ раскопанныхъ Рассамомъ развалинахъ было собрано отъ 40 до 50 тысячъ необожженныхъ клинописныхъ таблетокъ, которыя были имъ для лучшей сохранности подвергнуты обжиганію и затѣмъ переданы въ Британскій Музей, въ Лондонъ. Это неоцѣнимое для исторіи Востока сокровище, спасенное для науки Рассамомъ, уже значительно со времени открытія обогатившее свѣдѣнія ученыхъ о вавилонской культурѣ, представляетъ обильный матеріалъ для трудовъ многихъ поколѣній ассиріологовъ.

Къ 80-мъ годамъ относятся интересныя раскопки въ Южной Вавилоніи, предпринятыя на средства французскаго правительства вице-консуломъ въ Басрѣ Эрнестомъ де Сарзекъ. Онъ изслѣдовалъ мѣстность Теллохъ (Telloh), гдѣ открылъ остатки нѣсколькихъ городскихъ поселеній или большого города, называвшагося Зиргулла или Лагашъ. Открытыя здѣсь произведенія древнѣйшаго періода - многочисленныя статуи, сосуды, бронзы - свидѣтельствуютъ о состояніи искусства въ періодъ царей раннихъ династій Южной Вавилоніи. Надписи самаго ар-

хаическаго типа во всякомъ случаѣ предшествуютъ 2500 г. до Р.Х. Въ 1887 г. производились раскопки въ Южной Вавилоніи частной нѣмецкой компаніей, основанной со спеціальной цѣлью обогащенія памятниками Берлинскаго Музея. Одновременно съ нѣмецкимъ обществомъ дѣятельно начала работать американская экспедиція, посланная обществомъ такъ наз. Babylonian Exploration Fund. Американская экспедиція изъ Уайтбургскаго университета въ Пенсильваніи, съ профессоромъ Гильпрехтомъ (Hilprecht) во главѣ, сосредоточила свои раскопки въ мѣстности Нифферъ или Нуффаръ, въ пластахъ которой погребены остатки древняго города Ниппура. Здѣсь въ 1889 г. рабочіе отрыли развалины храма, городскихъ стѣнъ и нашли до 2000 клинописныхъ таблетокъ, перевезенныхъ затѣмъ въ Америку. Работы американцевъ продолжались и въ 90-хъ годахъ, и въ началѣ текущаго столѣтія, сопровождаясь важными открытіями. Такъ въ 1900 г. въ развалинахъ Ниппура была открыта одна изъ самыхъ древнихъ южновавилонскихъ библіотекъ, содержавшая, какъ оказалось, нѣкоторые подлинники древневавилонскихъ памятниковъ, копіи которыхъ были изготовлены царемъ Ассурбанипаломъ для его ниневійской дворцовой библіотеки. Среди развалинъ было найдено до 18,000 этихъ памятниковъ письменности. Городъ Ниппуръ былъ разрушенъ болѣе чѣмъ за 2200 л. до Р.Х. во время вторженія эламитовъ, такъ что памятники его библіотеки должны относиться несомнѣнно къ еще болѣе раннему періоду.

Одно изъ громкихъ открытій, вызвавшихъ въ послѣдніе годы много изслѣдованій и статей, было сдѣлано французской экспедиціей, работавшей въ Эламѣ въ области древней Сузы, между 1897-1899 гг.,

подъ руководствомъ извѣстнаго французскаго археолога де Моргана. Кромѣ надписей сузо-эламскихъ царей 2-го тысячелѣтія, были найдены въ развалинахъ столицы Элама нѣкоторые памятники, свидѣтельствующіе о томъ, что Эламъ-Суза въ 3-мъ тысячелѣтіи подчинялась вполнѣ вліянію Вавилона. Письменнымъ языкомъ былъ вавилонскій, и страна управлялась намѣстниками, зависѣвшими отъ вавилонскихъ царей. Въ числѣ памятниковъ была открыта обширная стэла, содержащая законы вавилонскаго царя Хаммураби, царя 1-ой династіи Вавилона, представляющіе древнѣйшій сводъ законовъ, извѣстный до сихъ поръ на землѣ. Этотъ обширный памятникъ важенъ не только своими откровеніями о соціальной жизни Вавилоніи, но представляется вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ самыхъ важныхъ документовъ исторіи человѣчества вообще.

Съ 1899 г. нѣмецкое восточное общество начало снова систематическія раскопки въ развалинахъ Вавилона, почти не изслѣдовавшихся со времени экспедиціи Оппера. Въ такъ называемомъ Касрѣ нѣмецкимъ археологамъ удалось раскопать залы дворца Навуходоносора и отрыть главную улицу, по которой въ древности совершались упоминаемыя памятниками священныя процессіи въ храмъ Э-Сагила.

Въ заключеніе замѣтимъ, что раскопки европейскія и американскія продолжаются и въ настоящее время на почвѣ Вавилоніи, Ассиріи и Халдеи и время отъ времени ассиріологія обогащается новыми цѣнными документами. Почва Южной Вавилоніи до сихъ поръ далеко не исчерпана въ археологическомъ отношеніи. Нѣкогда густо заселенная и покрытая цвѣтущими городами, она въ настоящее время представляетъ пустыню и непроходимыя болота, образовавшіяся вслѣдствіе запущенія

древнихъ канализаціонныхъ сооруженій. Поэтому, раскопки сопряжены здѣсь со значительными трудностями, а эта историческая почва, арена древнѣйшей культуры Азіи, скрываетъ несомнѣнно еще множество древностей, которыя могутъ пролить новый свѣтъ на исторію культуры древняго міра.

Обильнымъ источникомъ свѣдѣній объ Ассиріи и Вавилоніи, какъ мы уже упомянули, послужила знаменитая библіотека ассирійскаго царя Ассурбанипала. Поэтому считаемъ нелишнимъ сказать о ней нѣсколько словъ.

При раскопкѣ холмовъ мусора, покрывающихъ такъ называемые юго-западный и сѣверный дворцы въ Куюнджикѣ, рабочіе Лэйарда отрыли массу большею частью разбитыхъ глиняныхъ таблетокъ размѣрами отъ вершка до фута въ квадратѣ, исписанныхъ съ обѣихъ сторонъ клинописью. Судя по положенію этихъ фрагментовъ, таблицы, вѣроятно, хранились въ верхнихъ покояхъ дворца и при его разрушеніи упали внизъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нижнихъ комнатъ онѣ покрывали полъ цѣлыми пластами, такъ что число собранныхъ въ то время и доставленныхъ въ Лондонъ фрагментовъ превышало десять тысячъ. Къ сожалѣнію, рабочіе собирали обломки какъ попало и укладывали въ ящики для отправки въ Англію. Такимъ образомъ, части таблицъ, составлявшихъ одну книгу, были перепутаны, и теперь стоитъ огромнаго труда подбирать фрагментъ къ фрагменту, таблицу къ таблицѣ. Ассиріяне писали на глиняныхъ таблеткахъ, выводя на мягкой глинѣ письмена треугольнымъ стилемъ и затѣмъ высушивая или обжигая эти таблетки. Каждая изъ нихъ составляла какъ бы листокъ книги, и рядъ такихъ перенумерованныхъ

таблетокъ хранился въ отдѣльномъ ящикѣ. Надъ каждой таблеткой-страницей стояли въ видѣ заглавія начальныя слова первой таблетки, т.е. всего сочиненія. Такъ, напримѣръ, всѣ таблицы знаменитаго древневавилонскаго сказанія о потопѣ одинаково начинаются словами первой: „Источникъ онъ увидѣлъ", съ припиской номера таблицы. Этотъ обычай ассиро-вавилонскихъ писцовъ значительно облегчаетъ европейскимъ ассиріологамъ подборъ перепутанныхъ таблетокъ, принадлежащихъ одному произведенію. Сверхъ того въ царской библіотекѣ имѣлись и каталоги книгъ а также небольшія овальныя таблички съ надписями, очевидно, этикетами различныхъ рядовъ книгъ. Судя по разобраннымъ уже таблицамъ, библіотека царя Ассурбанипала была богата и разнообразна и, повидимому, заключала всю вавилоно-ассирійскую какъ гражданскую, такъ и духовную литературу. Въ грамматическомъ отдѣлѣ находимъ остатки цѣлой энциклопедіи: списки словъ древняго (уже давно мертваго) сумерійскаго языка съ вавилоно-семитскимъ подстрочнымъ переводомъ, парадигмы спряженій, примѣры изъ синтаксиса и другія филологическія пособія для точнаго изученія священнаго языка, составленныя еще древними вавилонскими учеными и только переписанныя вновь съ вавилонскихъ копій для дворцовой ассирійской библіотеки. Знаніе древняго священнаго языка во времена Ассурбанипала (7 вѣкъ) не только въ Ассиріи, но и въ Вавилонѣ пріобрѣталось уже исключительно книжнымъ путемъ. Новыхъ сумерійскихъ текстовъ въ Ассиріи уже не писали, да и въ Вавилонѣ попытки писать по-сумерійски сопровождались ошибками, какъ видно изъ сумерійской надписи брата Ассурбанипала, вавилонскаго царя Самас-

сумукина. Въ отдѣлѣ религіозной литературы въ библіотекѣ Ассурбанипала находились таблицы съ генеалогіей боговъ, списки ихъ эпитетовъ и атрибутовъ, списки мѣстностей, гдѣ находились святилища того или другого бога, системы ассиро-вавилонскаго пантеона, сборники молитвъ, гимновъ и т.под. Сумерійскіе тексты религіознаго содержанія сопровождаются подстрочными, сдѣланными еще въ Вавилоніи, переводами. Таблицы магическаго содержанія, также наслѣдіе сумерійской культуры, приводятъ заклинанія противъ злыхъ духовъ, формулы для изгнанія болѣзней и проч. Въ историческомъ отдѣлѣ находимъ копіи надписей древневавилонскихъ царей, хронологическія таблицы съ перечнемъ ассирійскихъ царей и ихъ высшихъ сановниковъ, по имени которыхъ обозначались года царствованій, лѣтописи царскихъ походовъ, договоры, указы, письма, донесенія чиновниковъ изъ разныхъ частей ассирійской монархіи и т.под. документы. Библіотека содержала и разнообразные документы юридическаго характера и касавшіеся государственнаго хозяйства: списки податей и налоговъ, законодательные акты, документы гражданско-правового содержанія и т.под. Естествознаніе было также до нѣкоторой степени представлено въ царской библіотекѣ. Здѣсь находимъ списки извѣстныхъ ассирійцамъ растеній, минераловъ, деревьевъ, металловъ съ указаніемъ ихъ практическаго примѣненія и свойствъ. При каждомъ животномъ рядомъ съ его общеупотребительнымъ названіемъ стоитъ научное, идеографическое, содержащее знакъ рода и вида, что уже указываетъ на зачатки научной классификаціи. Богаче всѣхъ отдѣловъ библіотеки - отдѣлъ математики и астрономіи, свидѣтельствующій о высокомъ раз-

витіи этихъ наукъ въ Вавилоніи, передавшей ихъ Ассиріи. Кромѣ множества таблицъ наблюденій звѣзднаго неба, этотъ отдѣлъ содержитъ обширное сочиненіе изъ 70 таблицъ по предмету астрономіи и другое съ разсужденіемъ о различныхъ небесныхъ знаменіяхъ, наблюдавшихся въ разныя эпохи древневавилонской исторіи и сопровождавшихъ тѣ или другія предпріятія древнихъ царей. Къ этому же отдѣлу принадлежатъ далѣе календари, математическія таблицы, напр. таблицы умноженія, квадратныхъ и кубическихъ корней, дѣйствія съ дробями и т.п. Вообще, когда эта библіотека и десятки тысячъ найденныхъ послѣ открытія Лэйарда таблетокъ, привезенныхъ изъ Вавилоніи въ Европу и Америку въ послѣднія десятилѣтія, будутъ разобраны ассиріологами, которые въ настоящее время особенно усердно работаютъ надъ изученіемъ этихъ подлинныхъ документовъ, можно ожидать много новаго и интереснаго для обогащенія нашихъ познаній о древнѣйшей культурѣ Востока.

Несмотря на обиліе новооткрытыхъ источниковъ, до сихъ поръ не утратили еще своего значенія свидѣтельства о религіи вавилонянъ, сохранившіяся въ отрывкахъ изъ т. наз. Халдейской исторіи Вероса, жреца храма Бель Мардука въ Вавилонѣ, жившаго въ первой половинѣ 3-го в. до Р.Х. Отрывки изъ Вероса извѣстны въ выдержкахъ у нѣкоторыхъ христіанскихъ писателей (Евсевія, III-IV в., Климента Александрійскаго, III в., Георгія Синкелла, VIII в.), которые въ свою очередь почерпали эти извѣстія не изъ самого Вероса, а изъ выписокъ, сдѣланныхъ изъ его сочиненія Александромъ Полигисторомъ (I в. до Р.Х.). Поэтому первоначальный текстъ Бе-

роса, перейдя чрезъ столько рукъ, дошелъ до насъ въ значительно искаженномъ видѣ. Однако, свѣдѣнія, полученныя изъ клинописныхъ памятниковъ, въ общемъ подтверждаютъ данныя, сообщаемыя Веросомъ.

Географическій и этнографическій очеркъ Передней Азіи.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію историческихъ судебъ народностей Передней Азіи въ тѣ отдаленныя времена, въ которыя насъ вводятъ въ настоящее время поразительныя открытія подлинныхъ памятниковъ вавилоно-ассирійской культуры, считаю необходимымъ напомнить нѣкоторыя географическія данныя и разсмотрѣть въ краткомъ очеркѣ обитавшія на этой обширной территоріи народности, которыя выступали на историческую сцену въ вѣчно повторявшемся процессѣ созиданія и разложенія переднеазіатскихъ государствъ. Прежде всего, нельзя не отмѣтить, что открытія послѣдняго двадцатилѣтія совершенно измѣнили взглядъ историковъ на жизнь народовъ доклассической древности. Раньше предполагали, что обѣ великія культуры - египетская и вавилонская, культура Нила и Евфрата, возникли независимо одна отъ другой, развивались параллельно и въ извѣстный періодъ приходили во враждебныя столкновенія или мирныя сношенія. Въ настоящее время выяснилось, что тотъ древній Востокъ, котораго исторія открывается намъ документально отъ начала 3-го тысячелѣтія до Р.Х.,

представляетъ одну связную культурную область, многочисленныя народности которой были въ глубокой древности соединены воздѣйствіемъ общаго міровоззрѣнія, исходившаго изъ одного древнѣйшаго культурнаго района, который слѣдуетъ искать на берегахъ Евфрата. Арабскій халифатъ, сплотившій подъ знаменемъ Пророка множество разноплеменныхъ народовъ и странъ, не былъ первымъ явленіемъ такого рода. Древній и древнѣйшій Востокъ испытывалъ такія же народныя движенія, въ немъ происходили такія же міровыя завоеванія, здѣсь возникали и разлагались такіе же обширные государственные организмы...

Исторія древняго Востока разыгрывается, такимъ образомъ, на огромной территоріи, въ которую входятъ: обѣ страны древнѣйшей культуры - Вавилонія и Египетъ и лежащія между ними страны - Аравія, Палестина и Сирія. Но къ этой территоріи болѣе или менѣе примыкаютъ пограничныя страны, участвовавшія въ исторической жизни: на сѣверѣ (сѣверо-западѣ, сѣверо-востокѣ и востокѣ) - Месопотамія, Арменія, Мидія и Эламъ, а по направленію къ западу и югу - сѣвероафриканское побережье (нынѣшн. т. наз. Maghrib) и Нубія, въ дальнѣйшемъ же теченіи исторіи Востока - Малая Азія, древній культурный мостъ между народностями Азіи и Европы, а также Иранское плоскогорье. Культурнымъ очагомъ для большинства изъ этихъ странъ и народовъ служила территорія Евфрата и Тигра, единственная обширная низменность Передней Азіи, окруженная, говоря въ общихъ чертахъ, огромнымъ полукругомъ довольно высокихъ горъ,

мѣрно. Въ древнія времена западная пустыня еще не подходила къ Евфрату такъ близко, какъ теперь, въ его нижнемъ теченіи вслѣдствіе того, что недалеко отъ города Иса (нынѣ Хитъ) отъ Евфрата отвѣтвлялся искусственный широкій и глубокій каналъ, шедшій вдоль гряды скалъ, опоясывающей съ востока пустыню Аравіи, который изливался затѣмъ въ Персидскій заливъ.

Главные притоки Тигра впадаютъ въ его среднемъ теченіи, вытекая изъ Мидійскихъ горъ. Изъ нихъ упомянемъ рѣчку Хосеръ (ассир. Хусуръ), протекавшую черезъ Ниневію и впадающую въ Тигръ противъ нынѣшняго Мосуля; далѣе - верхній (Большой) и нижній (Малый) Забъ и Діяла (Dijala), впадающая при нынѣш. Багдадѣ. Главные притоки Евфрата въ его среднемъ теченіи, берущіе начало въ горахъ Мазіоса (нынѣ Караджа-дагъ), - Белихъ (ассир. Валиху), съ городами Урфа (извѣст. въ христіанское время подъ именемъ Эдессы) и Харранъ (со знаменитымъ святилищемъ луны), и Хабуръ, на берегахъ котораго въ древности лежало нѣсколько цвѣтущихъ городовъ. Послѣ соединенія своего съ Хабуромъ вплоть до устья Евфратъ уже не имѣетъ притоковъ.

Въ настоящее время области, соотвѣтствующія сѣверной и южной Вавилоніи, уже не представляютъ благопріятныхъ условій для высокой культуры. Эти страны отличаются чрезвычайно жаркимъ климатомъ. Лѣтній зной, вслѣдствіе влажности воздуха, вызываемой близостью моря, носитъ тотъ же подавляющій характеръ, какимъ отличаются приморскія полосы Индустана или Цейлонъ. Вѣтры лѣтомъ не охлаждаютъ температуры, но дѣлаютъ ее еще болѣе удушливой, такъ

какъ воздухъ наполняется массой раскаленныхъ песчинокъ, возвышающихъ его температуру. Пески Аравіи съ каждымъ годомъ все болѣе завладѣваютъ аллувіальной почвой древней Вавилоніи и угрожаютъ превратить ее въ пустыню. Сожигаемая лѣтнимъ зноемъ страна оживаетъ только зимою, въ періодъ дождей. Проливные дожди идутъ въ ноябрѣ, еще сильнѣе въ декабрѣ и замѣтно повышаютъ уровень рѣкъ. Весною дожди идутъ уже рѣже и не такъ сильно. Съ мая до ноября тянется періодъ бездождія: цѣлые мѣсяцы не появляется ни одного облака на небѣ, и безъ примѣненія искусственнаго орошенія страна представляла бы безплодную пустыню. Такое орошеніе, посредствомъ цѣлой системы каналовъ, соединявшихъ между собою Евфратъ и Тигръ, дѣлали въ древности Вавилонію баснословно плодородною. Вотъ, напр., что говоритъ Геродотъ (I,193) объ ея плодородіи. „Эта страна изо всѣхъ, какія мы знаемъ, наиболѣе способна къ произведенію плодовъ Деметры (т.е. хлѣбныхъ злаковъ). Она и не пытается производить плодовыя деревья: ни фиговаго дерева, ни винограда, ни оливы; но она такъ удобна для произрастанія хлѣбовъ, что даетъ обыкновенно урожай самъ-двѣсти, а въ лучшихъ мѣстахъ даже самъ-триста. Листья пшеницы и ячменя часто достигаютъ ширины четырехъ пальцевъ. Что же касается проса и кунжута, которые похожи тамъ на деревья, я не скажу, какой высоты они достигаютъ, хотя знаю это какъ очевидецъ, потому что даже то, что я сказалъ объ урожайности Вавилоніи, должно показаться невѣроятнымъ для тѣхъ, которые не были въ этой странѣ. Здѣсь не употребляютъ другого масла, кромѣ сесамнаго (кун-

жучнаго), а финиковыя пальмы покрываютъ всю страну; большая часть изъ нихъ даютъ плоды, изъ которыхъ приготовляется и пища, и вино, и родъ сладкаго напитка". Обилiе пальмъ въ древности подтверждается тѣмъ, что даже въ настоящее время, когда разведеніе ея почти совершенно упало, все еще, по свидѣтельству путешественниковъ, густыя рощицы финиковой пальмы одѣваютъ берега Евфрата въ его нижнемъ теченіи отъ городка Мугаира (древн. Ура) до Персидскаго залива.

Относительно минераловъ Вавилонская равнина была поставлена въ невыгодныя условія. Камня для построекъ вовсе не было и его приходилось добывать либо въ пограничныхъ мѣстахъ Аравіи, либо еще дальше въ горахъ. Но за отсутствіемъ камня жители находили для построекъ въ своей странѣ другой матеріалъ - превосходную глину, годную для кирпичей и даже не нуждавшуюся въ искусственномъ обжиганіи. Достаточно было высушить кирпичи на солнцѣ, чтобы получить матеріалъ, удобный для стройки, а нѣсколько часовъ въ обжигальной печи дѣлали кирпичъ твердымъ, какъ гранитъ. Также изобиловала Вавилонія матеріаломъ для цемента (асфальтомъ).

Всмотрѣвшись въ естественныя условія, содѣйствовавшія возникновенію ранней культурной жизни въ территоріи, орошаемой Евфратомъ и Тигромъ, мы невольно замѣчаемъ сходныя условія въ долинѣ Нила и приходимъ къ сравненію значенія африканской и азіатскихъ рѣкъ для культуры древняго Востока. Нѣтъ сомнѣнія, что евфратская культура оказывала болѣе обширное и глубокое вліяніе на сосѣднія страны, чѣмъ нильская, хотя, по плодородію, территоріи

Нила и Евфрата преддтавляются равными, а по удобству навигаціи Нилъ значительно превосходитъ Евфратъ. Но дѣло въ томъ, что культура, поднявшаяся выше удовлетворенія потребностей земледѣльческаго населенія, имѣетъ болѣе широкія нужды, чѣмъ только тѣ, которымъ можетъ удовлетворять почва, богато одаренная благами природы. Для удовлетворенія такихъ потребностей необходимо вступать въ торговыя сношенія съ другими странами. Культурная страна становится средоточіемъ такихъ сношеній, частью вывозя предметы своей почвы и обрабатывающей промышленности за свои предѣлы въ менѣе культурныя сосѣднія страны, частью служа посредницей для такихъ сношеній между своими сосѣдями. Какъ бы глубоко мы ни заходили въ древность, вездѣ застаемъ живыя сношенія народовъ, дѣятельный обмѣнъ товарами и идеями, и только племена, жившія уже совсѣмъ вдали отъ путей міровой торговли, могли жить обособленной жизнью дикарей. Въ дѣлѣ міровой торговли территорія Евфрата находилась въ гораздо болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ долина Нила. Ранѣе открытія морского пути въ Индію долина Евфрата служила самымъ удобнымъ и безопаснымъ путемъ для транзита богатствъ Индіи и Восточной Азіи къ восточнымъ берегамъ Средиземнаго моря. Поэтому евфратская культура опередила нильскую, достигла бо́льшаго развитія и оказала болѣе сильное вліяніе на страны, прилегающія къ Средиземному морю. Находясь въ непосредственной связи и сосѣдствѣ съ другими производительными и культурными странами Передней Азіи (Сиріей, Палестиной, Арменіей, Малой Азіей, Эламомъ, Персіей), равнина Евфрата далеко превосходила въ

передачѣ и распространеніи культурныхъ пріобрѣтеній Египетъ, запертый почти со всѣхъ сторонъ. Только въ тѣ періоды, когда политическія отношенія запирали торговый путь чрезъ Персидскій заливъ и территорію Евфрата къ гаванямъ Финикійскаго побережья, торговыя сношенія должны были направляться другимъ болѣе труднымъ и опаснымъ путемъ - сухопутнымъ, чрезъ южную Аравію, или водянымъ, вокругъ Аравіи въ Египетъ.

Уяснивъ въ общихъ чертахъ естественныя условія, благопріятствовавшія раннему развитію культуры въ бассейнѣ Евфрата, сдѣлаемъ краткій обзоръ тѣхъ горныхъ странъ, которыя, какъ мы уже упомянули, окружали кольцомъ территорію семитовъ, заключавшую въ себѣ сѣверную Сирію, Месопотамію, Ассирію и Вавилонію, и познакомимся съ ихъ древними названіями, сохраненными ассиро-вавилонскими памятниками. Начиная съ запада и направляясь къ востоку, мы встрѣчаемъ гористую страну Киликію, которую ассирійцы называли Хилакку (Hilakku), при чемъ ея побережье носило особое названіе Куи (Kui); затѣмъ - Милидъ (у класс. писателей Мелитена), прародину хати; далѣе на сѣверѣ - Арменію, на сѣверо-востокъ отъ Ассиріи - Мидію и на востокъ отъ Вавилоніи - Эламъ. Южную часть Арменіи, лежащую на сѣверѣ отъ Тигра и доходящую приблизительно до Ванскаго озера, ассирійцы называли землями Наири (срв. египет. назв. Нагаринъ - Naharin), среднюю часть Арменіи (Малую Арменію) - Мусри (Musri), а сѣверную часть (Высокую Арменію) - Урарту (Urartu = Ararat, по Геродоту, здѣсь жили алародійцы - 'Αλαροδιοι). Области, лежавшія вокругъ озера Урміи, носили въ древности раз-

личныя названія (Man, Barsua, Chubuskia, Namri и др.) и только впослѣдствіи слились въ одномъ названіи съ Мидіей (Madai), страной, простиравшейся отъ Гамадана (Экбатаны) до Каспійскаго моря. Страна Эламъ (Elamtu), съ древнѣйшей столицей Сузой на рѣкѣ Улаѣ (у грековъ Eulaeus, нынѣ Керха), сосѣдила съ Южной Вавилоніей съ востока; сѣверная часть Элама, пограничная съ Мидіей, носила названіе Аншанъ. Одна изъ частей Элама, повидимому, должна подразумѣваться подъ древнимъ, еще вавилонскимъ, названіемъ Кашъ (ср. у грековъ Kissia, у вавилонянъ Kaššû = касситъ); по крайней мѣрѣ, именно названіе „Кашшу" носили позднѣе, во времена ассирійскаго царя Сенахериба, мидійско-эламскія орды, которыя у Страбона и Діодора называются Κοσσαῖοι. Оставляя пока области сѣверной Сиріи и Палестины, съ которыми мы встрѣтимся въ обозрѣніи политической исторіи Ассиріи, перейдемъ къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ этнографическихъ вопросовъ.

Раньше появленія на исторической сценѣ Передней Азіи арійскихъ народовъ (киммерійцевъ, саковъ - скиеовъ, мидянъ, персовъ и др.), въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій культурная жизнь развивалась здѣсь среди народовъ двухъ расъ - семитской и несемитской. Различныя племена послѣдней расы не получили въ наукѣ еще общепризнаннаго названія - нѣкоторые называютъ ихъ аллородійцами, другіе - хиттійскими племенами. Взаимныя отношенія языковъ этой расы еще не уяснены по недостатку памятниковъ, но достовѣрно то, что языки эти не принадлежали ни къ семитской, ни къ арійской (индо-европейской) семьѣ. Къ доисторическому времени относятся

въ Вавилонской равнинѣ несомнѣнные слѣды, оставленные создателями древней культуры сумерійцами въ видѣ ихъ языка, считавшагося у вавилонянъ-семитовъ языкомъ религіи и литературы и изучавшагося еще ассирійцами съ такимъ же усердіемъ, съ какимъ въ средніе вѣка и наше время изучается латинскій языкъ. Вавилоно-ассирійскіе памятники называютъ его „языкомъ страны Сумеръ", а другой его діалектъ - „языкомъ страны Аккадъ". Сумеръ и Аккадъ были названіями южной и сѣверной Вавилоніи въ досемитскомъ періодѣ, наслѣдованными самымъ раннимъ семитскимъ пластомъ населенія, отложившимся на этой территоріи. Сумерійское племя, какъ полагаютъ, урало-алтайскаго корня и пришедшее съ сѣвера, уже не существовало, какъ господствующее, въ 4-мъ тысячелѣтіи въ Вавилоніи. Вавилоняне этого періода представляютъ расу, образовавшуюся чрезъ смѣшеніе вторгнувшихся въ страну Сумеръ и Аккадъ кочевниковъ, варваровъ семитовъ, съ болѣе культурными туземцами, передавшими имъ нѣкоторыя черты своихъ культурныхъ пріобрѣтеній, въ томъ числѣ свою письменность. Это раннее вторженіе семитовъ представляется событіемъ еще доисторическимъ, т.е. предшествующимъ на много вѣковъ періоду, отъ котораго до насъ дошли письменные памятники. Новая раса, образовавшаяся на почвѣ Вавилоніи отъ упомянутаго смѣшенія и говорившая на семитскомъ языкѣ, оказалась, какъ свидѣтельствуютъ послѣдующія историческія событія, настолько устойчивой, что вавилонизировала всѣ дальнѣйшія разнородныя племена, вторгавшіяся въ эту культурную область, которая привлекала къ себѣ сосѣднія номадныя, или варварскія народности, какъ семитскія, такъ и не-

семитскія (напр., касситы). Сдѣлаемъ обзоръ семитскихъ племенъ, игравшихъ роль въ исторіи Передней Азіи.

Прародиной семитской семьи народовъ, или „камерой народовъ" (Völkerkammer, какъ выражаются нѣмецкіе ученые) считается огромный Аравійскій полуостровъ, по естественнымъ условіямъ почвы болѣе удобный для кочевыхъ народовъ, чѣмъ для земледѣльческой культуры. При размноженіи населенія, вслѣдствіе наступавшаго недостатка пастбищныхъ пространствъ, этотъ полуостровъ выпускалъ изъ себя многочисленныя орды семитскихъ кочевниковъ, которыя въ разные періоды наводняли Вавилонію, Месопотамію, Сирію и Палестину. Арабскія завоеванія въ періодъ ислама представляютъ послѣднее по времени великое завоевательное вторженіе аравійскихъ племенъ въ культурныя области Передней Азіи.

Предшествующее ему по времени вторженіе аравійскихъ кочевниковъ можетъ быть названо *арамейскимъ*. Это передвиженіе совершалось въ теченіе многихъ столѣтій раньше нашей эры. Съ 15-го вѣка до Р.Х. мы находимъ въ вавилонскихъ памятникахъ указанія на вторгнувшихся и осѣвшихъ въ Месопотаміи арамейцевъ (Ахлуму), и съ этого времени уже можемъ отмѣчать, какъ послѣдовательно населеніе Вавилоніи, сѣверной Месопотаміи и Сиріи все болѣе воспринимаетъ арамейскіе элементы, пока, наконецъ, въ 11-9 вѣкахъ до Р.Х. арамейскій языкъ не становится народнымъ языкомъ во всѣхъ этихъ областяхъ. Прежній вавилонскій (семитскій) языкъ, тождественный съ ассирійскимъ, т.е. языкъ клинописныхъ памятниковъ, есть уже языкъ письменный и литературный, а не народный. Вмѣстѣ

съ арамейцами, какъ одна изъ ихъ группъ, передвинулись изъ Аравіи племена, называемыя „сути". Около 15-го в. до Р.Х. племена эти кочуютъ въ сирійскихъ степяхъ, а въ слѣдующія столѣтія часть ихъ вторгается въ Вавилонію (въ 11-мъ вѣкѣ). Еще въ 8-мъ вѣкѣ и позже въ памятникахъ ассирійскихъ является остатокъ племени сути, оттѣсненный на лѣвый берегъ Тигра къ мидійскимъ границамъ, гдѣ ихъ имя сохранилось въ упоминаемой классическими писателями области Ситтакенѣ. Другую вѣтвь арамейцевъ, покинувшую прародину быть можетъ одновременно съ ними, видятъ въ племенахъ „кальди" или халдеевъ (въ Библіи Kasdim). Эти племена, повидимому, вышли изъ восточной части Аравіи и, поэтому, вторгнулись съ юга въ Вавилонію. Мы находимъ ихъ съ конца 2-го тысячелѣтія въ Южной Вавилоніи, получившей отъ нихъ названіе Халдеи. Въ клинописныхъ памятникахъ упоминается нѣсколько мелкихъ халдейскихъ родовыхъ княжествъ, которыхъ властители стремятся овладѣть вавилонскими городами и воцариться въ столицѣ - Вавилонѣ. Въ борьбѣ за престолъ Вавилона халдейскіе князья являются соперниками ассирійскихъ царей, и послѣ паденія Ассиріи (въ 606 г.) халдейская династія въ лицѣ Навуходоносора, какъ увидимъ впослѣдствіи, наконецъ утвердилась на престолѣ всемірнаго города.

Движенію арамейскихъ племенъ по времени предшествовало выселеніе другихъ семитовъ изъ Аравіи, для обозначенія которыхъ большинство ассиріологовъ приняло названіе *ханаанитовъ* (хананцевъ) собственно въ виду того, что съ этими семитами мы знакомимся лучше всего, когда они занимаютъ территорію Ханаана. Около

2500 года вся Вавилонія уже прочно занята этимъ племенемъ, подвергшимся затѣмъ вавилонизированію. Въ этомъ періодѣ появляются въ вавилонскихъ памятникахъ имена національныхъ ханаанскихъ боговъ - Хадада, Раммана, Дагона и друг., а въ сѣверной Вавилоніи возникаетъ царская династія съ „арамейскими" именами. Эта вавилонская, т.наз. первая династія, при царѣ Хаммураби связала южную и сѣверную части страны въ одно государство и сдѣлала Вавилонъ его столицей и религіознымъ центромъ. Ассиріологъ Гоммель считаетъ и называетъ эту династію прямо арабской *). Одновременно съ Вавилоніей иммиграціи тѣхъ же ханаанскихъ племенъ подверглись другія страны Передней Азіи, еще менѣе способныя къ сопротивленію, чѣмъ Вавилонія, именно, - Сирія и Ханаанъ. Болѣе ранняя волна ханаанскаго движенія достигла береговъ Средиземнаго моря и извѣстна подъ именемъ финикійцевъ. Тѣснимые новыми полчищами ханаанскихъ пришельцевъ, прибрежные ханаанцы (финикійцы), не умѣщаясь въ узкой полосѣ Финикіи, принуждены были выселяться и уже рано заняли сѣверное побережье Африки и даже берега Испаніи **). Нѣкоторые ассиріологи (Winckler) полагаютъ, что частью этого движенія ханаанскихъ племенъ было одновременное вторженіе Гиксовъ въ Египетъ, такъ же какъ и водвореніе ханаанской („арабской") династіи на престолѣ Вавилона; но полной увѣренности въ однородности этихъ историческихъ явленій имѣть пока нельзя. Послѣдній и позднѣйшій слой ханаанскаго движенія народовъ, предше-

*) Grundriss p.90.

**) Здѣсь дѣло идетъ о настоящемъ завоеваніи, а не о торговой колонизаціи.

ствующій по времени иммиграціи арамейцевъ, есть вторженіе въ Ханаанъ еврейскихъ кочевыхъ племенъ, называемыхъ „хабиру" въ тель-амарнскихъ памятникахъ. Къ группѣ хабиру принадлежатъ, во-первыхъ, тѣ племена, которыя соединились подъ именемъ народа израильскаго, далѣе - моабиты, аммониты, едомиты, о которыхъ сообщается въ Библіи.

Спускаясь послѣ ханаанскаго нашествія далѣе въ глубь вѣковъ, мы приходимъ къ упомянутому уже раньше вторженію *вавилоно-семитскихъ* племенъ въ долину Евфрата, которое предшествовало ханаанскому; слѣдовательно, оно восходитъ, быть можетъ, къ половинѣ 4-го тысячелѣтія. Въ виду интенсивности только что упомянутаго семитскаго наводненія въ Вавилоніи, трудно допустить, чтобы оно ограничилось одной долиной Евфрата. По всей вѣроятности, вавилоно-семитская волна охватила также, какъ и послѣдующія эмиграціи аравійскихъ семитовъ, Сирію и Палестину. Эти страны получили, вѣроятно, такое же („вавилоно-семитское") населеніе и тѣ же культурныя основы, какъ и долина Евфрата. Отдѣльныя извѣстія отъ 3-го тысячелѣтія говорятъ уже о томъ, что „страны Запада" были подъ властью вавилонскихъ царей (напр., Саргона, царя Агада, и Нарамсина, его сына) и что Вавилонія оказывала въ этомъ періодѣ бо́льшее вліяніе на берега Средиземнаго моря и на Аравію, чѣмъ впослѣдствіи Ассирія въ періодъ высшаго своего процвѣтанія (9-7 вв.). Къ этому отдаленному періоду уже восходитъ вліяніе культуры, науки и религіи Вавилона на западныя страны, сохранившееся въ нѣкоторыхъ слѣдахъ.

Разсмотримъ теперь различныя несемитскія племена, вторгавшіяся въ древнѣйшія времена въ культурныя страны Передней Азіи изъ Малой Азіи, куда они въ теченіе вѣковъ проникали изъ европейской „камеры народовъ", подобно тому какъ впослѣдствіи сюда же вторгались индо-европейскія племена - киммерійцы, саки (скиѳы), фригійцы, греки. Въ Малой Азіи мы находимъ монументальные слѣды древнѣйшей культуры, все разростающейся съ новыми изслѣдованіями почвы, въ видѣ скульптуръ (напр., въ Богазъ-Кой въ древней Каппадокіи) и надписей, находимыхъ главнымъ образомъ въ Киликіи и Сиріи на югѣ до Хамата. Надписи эти, особаго напоминающаго іероглифы письма, до сихъ поръ еще не разобраны и сопровождаются иногда своеобразными изображеніями, повидимому, мѣстныхъ божествъ и религіозныхъ сценъ. Въ виду того, что вавилоняне называли малоазіатское извѣстное имъ царство „страной Хатти" во 2-мъ тысячелѣтіи, а египтяне „страной Хета", названные слѣды древнѣйшей малоазіатской культуры условно называютъ хатійскими (хетійскими, или хиттійскими). Но названіе „Хатти" принадлежало странѣ, а какъ называли себя сами древнія народности, смѣнявшія другъ друга въ теченіе вѣковъ на этой территоріи, намъ доселѣ неизвѣстно, такъ что терминъ „хатійцы" обозначаетъ вообще древнія племена несемитской расы, жившія въ Малой Азіи и надвигавшіяся оттуда въ предѣлы Месопотаміи и Сиріи, гдѣ потокъ этихъ племенъ встрѣтился съ медленно съ юга семитами (хананейцами, арамейцами). Намъ пока неизвѣстно, представляли ли хатійскія народности одну лингвистическую семью (какъ индо-европейцы или

семиты), хотя нѣкоторые изслѣдователи (Гоммель) держатся такого взгляда. Вообще, эти народности были въ занимаемыхъ ими мѣстахъ предшественниками индо-европейцевъ, выступавшихъ на этой міровой аренѣ около 8-го столѣтія до Р.Х.

Первая группа хатійскихъ народовъ встрѣчается намъ не на почвѣ хатійской древнѣйшей территоріи, не на берегахъ Галиса, а въ Месопотаміи по обѣимъ сторонамъ верхняго Евфрата и на востокъ отъ Евфрата по направленію къ будущей Ассиріи. Здѣсь въ области, называемой египтянами Нагарини (ассирійцами - Наири), поселился хатійскій народъ митани, котораго цари въ 5-мъ вѣкѣ ведутъ письменныя сношенія съ фараонами 18-ой династіи, какъ свидѣтельствуютъ тельамарнскіе памятники. Среди послѣднихъ оказалось нѣсколько писемъ на вавилонскомъ языкѣ митанійскаго царя Душратты къ Аменофису III и IV по разнымъ дипломатическимъ вопросамъ. Одно изъ нихъ написано на митанійскомъ языкѣ клинописью и представляетъ единственный, доселѣ еще не разобранный, образчикъ этого языка. Въ 15-мъ вѣкѣ Митани еще могущественное государство, владѣющее Ниневіей; слѣдовательно, нужно думать, что оно сложилось раньше этого вѣка, въ 16 или 17 столѣтіяхъ. Но уже въ 14 вѣкѣ возрастающая сосѣдняя Ассирія побѣдила митанійскихъ царей и заняла ихъ землю. Слѣдуетъ думать, что Сирія и Палестина также подверглись хатійскому вторженію одновременно съ Месопотаміей, такъ какъ палестинскіе царьки и князья въ тельамарнскій періодъ носятъ хатійскія имена. Вообще, Сирія и Палестина въ 15 вѣкѣ являются спорной территоріей между четырьмя

великими державами. Страна принадлежитъ Египту, но ей угрожаютъ вавилоняне подъ властью касситскихъ царей, митанійцы и цари „страны Хатти". Послѣдніе являются наиболѣе опасными соперниками Египту, такъ какъ они проникаютъ съ сѣвера въ Сирію и распространяются все южнѣе. Въ 14 и 13 вѣкахъ хатійцы проникли уже къ сѣверной границѣ Палестины, гдѣ у подножья Гермона ихъ помнитъ еще библейское преданіе. Фараонамъ 19-ой династіи приходится для упроченія власти Египта въ Азіи предпринимать походы противъ „страны Хета". Рамсесъ II, какъ мы видѣли, прославилъ свою побѣду надъ хатійцами при Кадешѣ, пограничной самой южной ихъ крѣпости, и затѣмъ вступилъ съ ними въ союзъ. Но не египтяне сломили господство хатійцевъ, а ассирійцы, достигшіе въ 1100 году въ своихъ походахъ Средиземнаго моря и отразившіе ихъ отъ Сиріи, которая наводняется мало-по-малу арамейцами, оттѣснившими хатійское стремленіе въ эти области. Только въ Каркемишѣ (Гаргамишѣ) на Евфратѣ сохранилось еще небольшое государство съ преобладающимъ хатійскимъ населеніемъ, просуществовавшее, по ассирійскимъ свидѣтельствамъ, до 8-го вѣка, когда (въ 717 г.) царь Саргонъ прекратилъ его самостоятельное существованіе.

Къ хатійскимъ, въ условномъ смыслѣ, народностямъ на почвѣ Малой Азіи принадлежатъ далѣе разбойничьи племена лукки (ликійцы, у египтянъ Лука или Рука), которые, по свидѣтельству тельамарнскихъ памятниковъ, тревожатъ берега Средиземнаго моря. Объ ихъ морскихъ набѣгахъ на Кипръ (Алашіа) сообщаетъ фараону кипрскій властитель. Лукки оставили свое имя областямъ Ликіи и Ли-

касніи, и еще въ классическое время географъ Страбонъ указываетъ въ Каппадокіи левкосировъ, недоумѣвая при этомъ имени въ виду того, что видъ чернымъ сирійцевъ не существуетъ. Это названіе объясняется тѣмъ, что греческая народная этимологія сдѣлала изъ лукки-сирійцевъ, т.е. лукки Сиріи - бѣлыхъ (λευκός) сирійцевъ.

Вскорѣ послѣ мира съ Рамсесомъ II, т. е. въ 12 или 11 вв., когда Сирія была занята арамейцами, хатійское центральное государство Малой Азіи, высылавшее части своего населенія на югъ, вѣроятно, само испытало непріятельское нашествіе и распалось, такъ какъ ассирійскія свидѣтельства отъ 11-го столѣтія рисуютъ намъ въ этихъ мѣстахъ уже совершенно другую картину. Въ территоріи, прежде принадлежавшей (въ 15 в.) народу митани, вытѣсненному ассирійцами, по обѣимъ сторонамъ Евфрата сидятъ теперь родственные имъ кумухи (имя которыхъ осталось за областью Коммагеной); съ послѣдними ассирійскимъ царямъ приходится также воевать. Царь Тиглатпилесаръ I подчинилъ страну Кумухъ, но долженъ былъ охранять ее отъ вторженій новыхъ хатійскихъ племенъ - мусковъ, волѣдъ за которыми туда же продвигаются изъ Малой Арменіи другія народныя полчища - каску и табаль. Ассирійцы причисляютъ ихъ также къ хатійцамъ, почему слѣдуетъ предположить, что эти племена находились въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ властителями „страны Хатти". Ассирійскимъ царямъ удалось отразить отъ предѣловъ государства напоръ и этихъ хатійскихъ народовъ. Остатки племени мусковъ въ 8 вѣкѣ и позже живутъ въ восточной части Малой Азіи (Малой Арменіи, Понтѣ); что же касается табаловъ (табаль), то названіе это сохранилось въ Тибаре-

нахъ классическихъ писателей; а племя каску нѣкоторые ученые склонны отождествлять съ кавказскими колхами.

Къ хатійскимъ народамъ принадлежали въ Малой Азіи, повидимому, извѣстные ассирійцамъ хилакку, давшіе свое имя области на среднемъ теченіи Галиса, гдѣ съ ними сталкиваются ассирійскіе цари въ 9-7 вв. и гдѣ ихъ еще упоминаетъ Геродотъ подъ названіемъ киликійцевъ. При паденіи Ассиріи киликійцы образовали государство въ предѣлахъ между Лидіей на западѣ, Мидіей и Нововавилонской монархіей на востокѣ. Конецъ самостоятельности Киликійскаго государства былъ положенъ Киромъ. При персидскомъ владычествѣ имя Киликіи было усвоено части этого государства, лежащей по ту сторону, на югъ отъ Тавра, но раньше киликійцы занимали, какъ мы видѣли, гораздо болѣе обширную территорію въ Малой Азіи.

Въ 8 вѣкѣ ассирійскій царь Саргонъ искалъ себѣ въ табалахъ союзниковъ противъ новаго государства, возникшаго въ Малой Азіи, и предполагалъ сдѣлать изъ Табаля буферное государство въ предѣлахъ между Тавромъ и Галисомъ. Новаго малоазіатскаго врага ассирійцы называютъ „Мита страны Муски", т.е. называютъ Мита царемъ народа, который раньше занималъ эти мѣста; но во времена Саргона здѣсь мусковъ уже не было, хотя имя ихъ по старинѣ еще сохранялось за страной. Этотъ Мита нападаетъ на Ассирію съ сѣверо-запада въ Малой Арменіи и на югѣ отъ Тавра въ Киликіи. Слѣдовательно, онъ является властителемъ западной Малой Азіи, и средоточіе его государства лежитъ въ Фригіи и на Галисѣ. Несомнѣн-

нимъ представляется поэтому отождествленіе, предложенное Винклеромъ, царя Миты съ извѣстнымъ классическому преданію царемъ фригійскимъ Мидасомъ (Мидой), который вскорѣ послѣ 700 года погибъ въ борьбѣ съ киммерійцами; такимъ образомъ, правленіе его должно совпадать съ царствованіемъ Саргона. Мидасъ, слѣдуя хатійской традиціи, стремится вторгнуться въ Сирію, и у него ищетъ помощи противъ Ассиріи послѣдній остатокъ хатійскаго господства въ Сиріи - небольшое государство Каркеминъ на Евфратѣ. Но движеніе Мидаса было остановлено и могущество его сокрушено новымъ потокомъ уже индо-европейскихъ насельниковъ - киммерійцами, которыхъ ассирійцамъ удалось отбросить въ предѣлы Малой Азіи. Несомнѣнно, что и фригійцы принадлежали также къ индо-европейской семьѣ народовъ, которые въ ихъ лицѣ теперь впервые появляются на исторической аренѣ. Фригійцы проникли въ Малую Азію изъ Ѳракіи чрезъ Черное море и въ 8 вѣкѣ образовали кратковременное государство, являющееся наслѣдіемъ Хатійскаго. Одновременно съ ними начинаютъ занимать побережье Малой Азіи греки, которые въ своихъ преданіяхъ сохранили, такимъ образомъ, воспоминаніе о послѣднемъ фригійскомъ царѣ, съ которымъ, очевидно, они вступали въ сношенія на новыхъ мѣстахъ, такъ какъ держава, простиравшая свои виды на Сирію и воевавшая съ Ассиріей, естественно должна была владѣть гаванями малоазіатскаго побережья.

Послѣ паденія Фригійскаго государства въ Малой Азіи возникаетъ другая великая держава, наслѣдовавшая территорію фригійцевъ и хатійцевъ - мусковъ,- Лидія при царѣ Гигесѣ (у ассирійцевъ Гугу). Лидійцы, повидимому, были послѣднимъ хатійскимъ народомъ, продолжавшимъ итти по прежнему пути другихъ народовъ той же группы. При Гигесѣ, Аліаттесѣ и Крезѣ они борются сначала съ ассирійцами, затѣмъ съ ихъ наслѣдниками (мидянами, вавилонянами, персами), стараясь завоевать Сирію. Персидское завоеваніе покончило съ существованіемъ малоазіатскихъ великихъ державъ, и въ этихъ областяхъ возникаютъ впослѣдствіи только небольшія и слабыя государства съ часто мѣнявшимся составомъ населенія.

Переходя отъ Малой Азіи къ востоку, мы встрѣчаемся съ пластами также хатійской группы въ горныхъ странахъ Арменіи. Территорія, въ которой лежатъ источники Тигра и Евфрата, извѣстна въ древнѣйшихъ вавилонскихъ свидѣтельствахъ подъ названіемъ „Гуту" или „Куту". Въ древнія времена, какъ и теперь, эти мѣста населены были горными разбойничьими племенами (нынѣ курды), живущими набѣгами на культурныя страны. Это имя пятитысячелѣтней давности сохранилось, какъ полагаютъ (Винклеръ), въ имени Джебель Джуди - „Гутайская гора", которымъ въ Коранѣ называется гора Араратская въ преданіи о потопѣ. Однако, несмотря на разбойничьи свойства, населеніе Гуту не избѣжало нѣкотораго культурнаго воздѣйствія Вавилоніи; объ этомъ мы судимъ по тому, что въ сѣверной Вавилоніи, въ г.Сиппарѣ, славившемся храмомъ солнца, была найдена относящаяся къ 3-му тысячелѣтію посвятительная надпись царя страны Гути, совершенно совпадающая по характеру письма и языка съ современной ей надписью вавилонскихъ властителей. Съ усиленіемъ Ассиріи уча-

щаются извѣстія о народахъ Арменіи, живущихъ къ востоку до озера Урміи (Уруміи) и границъ Мидіи и составляющихъ восточные форпосты хатійской группы. Ассирійскіе источники 9-7 вѣка знаютъ въ области Ванскаго озера царство Урарту съ главнымъ городомъ Туспа на мѣстѣ нынѣшняго Вана. (Это имя сохранилось въ классическомъ названіи Ванскаго озера - lacus Thospitis). Но Урарту (срв. Араратъ) было ассирійскимъ именемъ этого царства, властители котораго сами называютъ его Біайна (Biaina) въ своихъ довольно многочисленныхъ надписяхъ, начертанныхъ заимствованною изъ Ассиріи клинописью на родномъ языкѣ, который большинство спеціалистовъ считаютъ въ родствѣ съ кавказскими языками - иверійскими и лезгинскими. Въ 8 вѣкѣ, какъ увидимъ, царство Біайна-Урарту является опаснымъ соперникомъ Ассиріи, подчинявшимъ своему вліянію одно время даже сѣверную Сирію. Послѣ многихъ войнъ съ урартійцами ассирійцы при Саргонѣ сокрушили ихъ могущество, но народность эта исчезла лишь впослѣдствіи, слившись съ иммиграціей индо-европейскихъ племенъ, подобною той, которая дала жизнь Фригійскому государству. Изъ этого слія нія хатійскихъ (урартійскихъ) туземцевъ съ вторгнувшимися съ сѣверо-востока и достигшими береговъ оз. Урміи (Уруміи) индо-европейскими пришельцами образовалась новая національность - предки армянъ.

Появленіе на исторической аренѣ все новыхъ и новыхъ индо-европейскихъ полчищъ дало новое направленіе ассирійской политикѣ. Ассирійцы старались, держась извѣстнаго правила divide et

impera, направлять новыхъ враговъ другъ на друга и такими средствами удерживать ихъ отъ вторженій въ предѣлы государства. Изъ этихъ индо-европейскихъ народовъ всего далѣе на востокъ (вѣроятно, на востокъ отъ Каспійскаго моря) кочевали т.наз. ашкузы (скиѳы), съ царемъ которыхъ, какъ мы увидимъ, Ассархаддонъ вступилъ даже въ родство, чтобы сблизить его съ ассирійскимъ царственнымъ домомъ. До паденія Ассиріи ашкузы были ея союзниками, и скиѳскій царь Мадіэсъ даже сдѣлалъ попытку притти на помощь Ниневіи. Сосѣдившіе со скиѳами съ юга арійскіе мидійцы, какъ враги Ассиріи, дѣйствовали противъ скиѳовъ и были союзниками вавилонянъ (халдеевъ), вмѣстѣ съ которыми они разгромили Ассирію. На западъ отъ ашкузовъ сидѣли ихъ враги киммерійцы (вѣроятно, на сѣверномъ берегу Чернаго моря), также угрожавшіе Ассиріи. Ассирійцамъ при Ассархаддонѣ удалось отвести ихъ движеніе отъ ассирійскихъ предѣловъ къ западу, и потокъ киммерійцевъ наводнилъ Малую Азію, сокрушивъ Фригійское царство Миты (Мидаса). Они устремились и на Лидію, но были удержаны, и Лидія при Гугу (Гигесѣ) оправилась отъ причиненныхъ ими опустошеній. Въ этомъ періодѣ (7 вѣкѣ) упоминается въ классическомъ преданіи и въ ассирійскихъ источникахъ о появленіи еще нѣкоторыхъ другихъ, повидимому, арійскихъ племенъ (треры, сапарды), и слѣдуетъ думать, что Малая Азія скоро стала территоріей преимущественно индо-европейскихъ племенъ, смѣнившихъ здѣсь, какъ и въ Арменіи, народности „хатійской" группы. Дальнѣйшее (послѣ 7-го вѣка) новое

вторженіе индо-европейцевъ (кельтовъ) въ часть Малой Азіи относится уже къ IV вѣку.

Третьей (кромѣ Аравіи и Восточной Европы) „камерой народовъ" представляется внутренняя Азія, которой раннія судьбы пока еще покрыты для насъ глубокимъ мракомъ. Изъ нея, изъ степей, простирающихся на сѣверо-востокъ отъ Мидіи, устремляются къ странамъ древнѣйшей культуры различныя орды племенъ, какъ въ позднѣйшія времена оттуда появлялись тюрки и монголы. Эти племена были предшественниками арійцевъ на почвѣ Мидіи и Элама. Народности доарійской Мидіи - вавилоняне, а за ними впослѣдствіи и ассирійцы обозначаютъ именемъ „umman Manda", т.е. орды Манда. Но уже въ IX вѣкѣ въ Мидіи преобладаетъ арійское населеніе - иранцы-мидяне, которые впослѣдствіи при Кіаксарѣ прикончили существованіе Ассирійской монархіи. Такимъ же опаснымъ сосѣдомъ, какимъ для Ассиріи была горная Мидія съ ея варварскимъ и воинственнымъ населеніемъ, былъ для южной Вавилоніи Эламъ, страна орошаемая Улаемъ (Euläos) и простирающаяся на сѣверъ отъ южной Вавилоніи, отъ которой ее отдѣляли обширныя болота и горные хребты. Въ самыя отдаленныя открываемыя древнѣйшими памятниками времена Эламъ представляется какъ бы вавилонской областью, населенной семитами. Въ 3-мъ тысячелѣтіи тамъ господствуетъ вавилонскій языкъ и письмо, судя по дошедшимъ до насъ памятникамъ отъ временъ древнѣйшихъ вавилонскихъ царей. Но около 2300 года здѣсь появляется новый элементъ населенія, дающій всей народности своеобразный отпечатокъ. Имена эламскихъ царей, сидящихъ на престо-

лѣ Сузъ, не имѣютъ ничего семитскаго (Хумба-Ситиръ, Кудуръ-Нанхунди, Кудуръ-Мабукъ и друг.). Видно, что страна подверглась вторженію иноплеменниковъ несемитовъ и заговорила другимъ языкомъ. Имена царей обнаруживаютъ тотъ типъ языка, который мы находимъ въ подлинныхъ памятникахъ эламскихъ царей (около 1200 г.), документахъ, написанныхъ вавилонскими письменами. Позднѣйшій потомокъ эламскаго языка, т.наз. новосузіанскій, сохранившійся, какъ мы упоминали, во 2-мъ столбцѣ трехъязычныхъ памятниковъ Ахеменидовъ, далъ ученымъ возможность до извѣстной степени проникнуть и въ строй древнеэламскаго языка, котораго памятники были въ значительной степени добыты раскопками французовъ (де Моргана) въ мѣстности Сузъ *). Гоммель еще въ 1884 г. высказалъ мнѣніе, что эламскій языкъ состоитъ въ родствѣ съ южнокавказскими языками (особенно съ грузинскимъ). Къ такому же мнѣнію склонялся въ 1896 г. Гейнрихъ (не Гуго) Винклеръ, но пока этотъ вопросъ еще не достаточно разработанъ. Гоммель, обозначая всѣ несемитскія народности, которыя другіе ученые (Винклеръ) условно называютъ „хатійскими", терминомъ „аллародійцы" (названіе древнѣйшаго населенія Арменіи у Геродота), предполагаетъ даже, что вся огромная полоса народовъ, простирающаяся отъ Кавказа чрезъ Ар-

---

*) Значительное число этихъ памятниковъ, добытыхъ раскопками французской экспедиціи (1897-1902 гг.), издано въ трудѣ: Délégation en Perse: Mémoires publ. par M. J. de Morgan, t.III. Textes Elamites Anzanites. I-ère série par Scheil. Paris. 1901.

менію, горную Мидію къ Эламу, принадлежала къ одной лингвистической семьѣ, представители которой сохранились въ современныхъ „кавказскихъ" языкахъ (иверійскихъ, лезгинскихъ) *). Кромѣ вторженія того народа, который, слившись съ семитскимъ населеніемъ, произвелъ эламскую народность, эта страна испытала въ 1-ой половинѣ 2-го тысячелѣтія (около 1700 г.) нашествіе касситовъ (кашшу), явившихся съ востока и овладѣвшихъ не только Эламомъ, но и Вавилоніей (2-ая половина этого тысячелѣтія наполнена борьбою вавилонскихъ царей съ эламцами, точнѣе, съ владѣвшими Эламомъ касситами). На престолѣ Вавилона въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ сидитъ касситская династія (приблизительно до 1100 г.), но варвары кашшу должны были подчиниться культурному вліянію Вавилона, и иноземная династія впослѣдствіи вполнѣ овавилонилась. Судя по дошедшему до насъ списку касситскихъ именъ съ семитскимъ ихъ переводомъ-истолкованіемъ и по касситско-вавилонскому словарику, составленному вавилонскими учеными **), Гоммель пришелъ къ убѣжденію, что языкъ кашшу былъ въ родствѣ съ языкомъ эламскимъ, слѣдовательно, и съ кавказскими ***). Другіе ученые болѣе осторожны въ этомъ трудномъ вопросѣ, въ виду того, что, несмотря на открытія французской экспедиціи, еще слишкомъ глубокій мракъ покрываетъ раннюю судьбу территоріи Элама, который представляется связующимъ звеномъ, быть можетъ, между восточноазіатской и западноазіатской культурой. Эламъ является страной съ такою же древней культурой, какъ и Вавилонія, и въ свою очередь долженъ былъ оказывать культурное воздѣйствіе не только на вторгавшіяся въ него варварскія племена, но и распространять свое вліяніе далеко за свои предѣлы. Полная оцѣнка этой роли Элама, можетъ быть, будетъ дана дальнѣйшими археологическими и лингвистическими изслѣдованіями.

*) Hommel, Grundriss der Geogr. u. Geschichte des A.Orients, I, стр.34 (1904).

**) Изданъ Фр.Деличемъ въ его изслѣдованіи: „Die Sprache der Kossäer" (1884).

***) l.c. p.36.

Ограничиваясь этими немногими географическими и этнографическими указаніями, которыя будутъ намъ полезны при обзорѣ политической исторіи переднеазіатскихъ государствъ, перейдемъ къ изложенію древнѣйшихъ судебъ населенія, развившаго самую раннюю доступную нашему изученію культуру въ плодородной долинѣ Евфрата.

----------o----------

Къ вопросу о языкахъ „хатійской" группы (прибавленіе).

Для интересующихся лингвистическими вопросами считаю нелишнимъ сообщить нѣкоторыя подробности о языкахъ хатійской, или, по терминологіи Гоммеля, „аллородійской" группы народовъ.

Языкъ доиндо-европейской Арменіи (Урарту) извѣстенъ изъ памятниковъ, написанныхъ т.н. ванской системой клинописи и добытыхъ впервые (до 80 надписей) нѣмецкимъ путешественникомъ Шульцемъ, погибшимъ въ Курдистанѣ въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Эти матеріалы были обработаны и изданы знаменитымъ англійскимъ ассиріологомъ Сайсомъ (Sayces), піонеромъ въ дешифровкѣ переднеазіатскихъ письменъ (Cuneiform inscriptions of Van deciphered and translated, въ Journ. R. As. Soc. 1882, 1888, 1894, 1901 гг.). Новая эпоха въ чтеніи и истолкованіи этихъ надписей, значительно пополненныхъ путешествіями Белька (Belck) и Лемана (Lehmann) съ 1891 до конца 1899 гг., наступила съ изданіемъ трудовъ послѣдняго ученаго, начиная съ 1892 года. Ванскими же надписями съ успѣхомъ занимался русскій ассиріологъ М.В.Никольскій въ нѣсколькихъ трудахъ, напечатанныхъ имъ въ „Восточныхъ древностяхъ" - Трудахъ Восточной Коммиссіи Им. Моск. Археолог. Общества. Леманъ ввелъ для обозначенія языка ванскихъ надписей названіе „языкъ народа Хальди" по имени главнаго національнаго бога, упоминаемаго во всѣхъ надписяхъ. Въ связи съ этимъ именемъ находятся классическія свидѣтельства объ армянскихъ халдеяхъ (Χαλδαῖοι). Языкъ урар-

тійскій еще Ленорманъ и Сайсъ сближали съ языками кавказскими, главнымъ образомъ иверійской группы. Гоммель находитъ въ немъ большее родство съ языками сѣверокавказскими, чѣмъ съ южнокавказскими и указываетъ на его родство также съ языкомъ народа митани *). Отъ языка митани сохранилось только одно письмо царя митанійскаго Душратта къ фараону. Оно издано въ транскрипціи въ статьѣ Брюннова (Brünnow) „Die Mitani-Sprache", въ Zeit. f. Assyriologie, V (1890) и статьѣ Кнудцона (Knudtzon) въ журналѣ Beiträge z. Assyriologie, IV (1899). О томъ же языкѣ существуютъ изслѣдованія Сайса (The language of Mitanni, въ J. for Ass., V и XXII) и Іенсена (тамъ же, тт. V, VI, XIV), а въ недавнее время изслѣдователемъ въ этой области выступилъ Мессершмидтъ (Messerschmidt) въ своихъ „Mitanni-Studien" (въ Mitteilungen der Berl. Vorderasiat. Gesellsch. 1899).

Свѣдѣнія болѣе подробныя объ интересной культурѣ хатійцевъ можно найти въ капитальномъ трудѣ египтолога Макса Мюллера „Asien u. Europa" (1893). Сжатое изложеніе всего извѣстнаго объ этомъ племени далъ Мессершмидтъ въ брошюрѣ „Die Hettiter" (въ изданіи Der alte Orient, тетр. I-я 1902 г.). Онъ же издалъ сборникъ хатійскихъ надписей (Corpus Inscriptionum Hettiticarum) въ 1900 г. съ дополненіями въ 1902 г. Письмена хатійцевъ, напоминающія до нѣкоторой степени іероглифы, состоятъ изъ идеограммъ, силлабическихъ знаковъ и въ незначительномъ числѣ знаковъ буквенныхъ. Настоящая дешифровка сложныхъ и своеобразныхъ хатійскихъ

*) Grundriss, p. 89.

письменъ еще не удается до сихъ поръ, несмотря на много вложеннаго въ это дѣло труда, особенно ученными Сайсомъ, Іенсеномъ и Мессершмидтомъ.

Что касается ликійскаго языка, то еще до сихъ поръ не уясненъ вопросъ, былъ ли этотъ языкъ индо-европейскимъ, или неиндо-европейскимъ. Ликійскія надписи (отъ 5 и 4 в. до Р.Х.), начертанныя греческой азбукой со значительной примѣсью другихъ знаковъ, собраны и снабжены глоссаріемъ въ изданіи Калинки (Ern. Kalinka. Tituli Asiae Minoris, vol.I. Tituli Lyciae lingua Lycica conscripti. Viennae 1901). По мнѣнію Торпа (Alf Torp), занимавшагося ими болѣе всего въ послѣднее время (въ своихъ „Lykische Beiträge" 1898), ликійскій языкъ занимаетъ среднее мѣсто между индо-европейскими языками и малоазіатскимъ туземнымъ, т.е. представляетъ туземную основу, сильно проникнутую индо-европейскимъ элементомъ, хотя трудно рѣшить, какимъ именно -греческимъ, фригійскимъ или иранскимъ. Кречмеръ въ своемъ капитальномъ трудѣ „Einleitung in die Geschichte der griech. Sprache", а также въ общедоступной статьѣ „Die Sprachdenkmäler der Lykier" 1902 г., высказывается рѣшительно противъ индо-европейскаго характера этого языка.